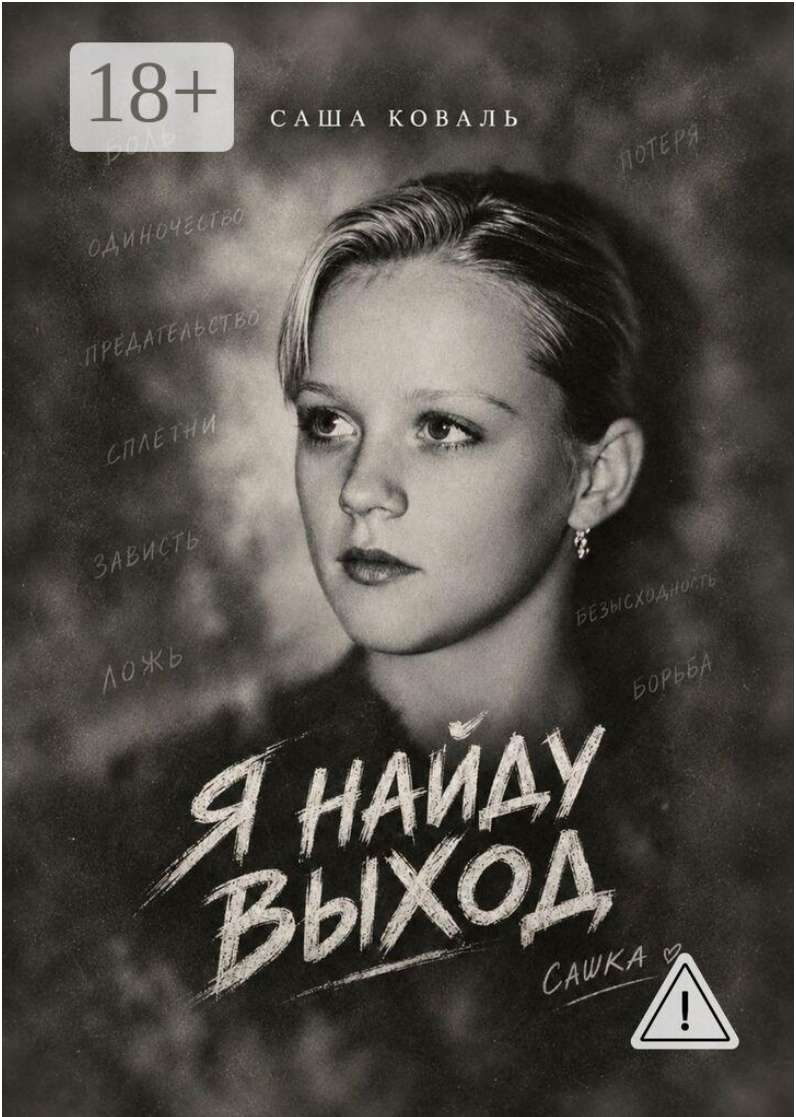

18+
САША КОВАЛЬ
ПОТЕРЯ
ОДИНОЧЕСТВО
ПРЕДАТЕЛЬСТВО
СПЛЕТНИ
ЗАВИСТЬ
ЛОЖЬ
БЕЗЫСХОДНОСТЬ
БОРЬБА
Я НАЙДУ ВЫХОД
САШКА

Саша Коваль
Я найду выход

https://litres.ru/74958703
ISBN 9785007167666

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.

История Сашки — о взрослении в непростых 90-х, о попытках спрятаться от прошлого и о том, как детский мир постепенно сталкивается с жестокостью взрослых и сверстников.

Сможет ли человек, переживший страшное, однажды перестать жить в его тени?

Содержание

Предисловие 5
1. Сашка ещё не знала… Начало длинного пути 8
2. Куда уходит детство? Сашка и чувство «нужности» 37
3. Новое: дом, школа,… всё. «Чёрный человек» 49
4. Герда в городе. Путь в неизвестность 84
5. Буллинг. Защиты не будет 105
6. Когда не верят — становится ещё больнее. То, что останется болью 118
7. 90-е суровые. Уничтожить себя настоящую — выход 138
Конец ознакомительного фрагмента. 145

Я найду выход

Саша Коваль

© Саша Коваль, 2026

ISBN 978-5-0071-6766-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

— Почему в твоём сценарии ты вечно проигравшая?
— Просто хочу слышать: «Ты не одна! Я рядом!»
— Есть только ты! И ты должна верить в себя!
— Да! Я сильная! Я одержу победу!

Когда-то мудрость обретя,
Поймёте, в мире нет людей,
Кто вас спасёт от бытия.
По жизни вы и есть Сэнсэй.

Как бы мы ни сопротивлялась, но нас формирует общество — мы стараемся подражать обществу, стараемся угодить обществу, стараемся быть, как общество.

БЫТЬ КАК ВСЕ

Потому что выделяться из толпы, значит, быть особенным, значит быть против общества, значит быть осужденным обществом.

БЫТЬ «ИЗГОЕМ»

Что формирует судьбу? Судьбу отдельного человека? Всё зависит от того, в какой семье ты родился, где ты ро-

дился, с кем и как ты общался, куда ты пошёл в определённый момент времени, кого ты встретил здесь и сейчас.

Конечно, есть немаловажный фактор — характер, стержень внутри каждого, который будет способствовать формированию судьбы, становлению личности и жизни в целом.

Благодаря всем этим факторам каждый человек «идёт своей дорогой». И большинство старается «идти в ногу», именно, с этим окружением, с этим обществом. «А, вдруг, осудят? А я этого не хочу. Я не хочу выделяться. Это же надо будет кому-то что-либо доказывать» — думают многие.

Но существует простая истина:

«МИР МЕНЯЕТСЯ БЛАГОДАРЯ ТЕМ КТО ВЫДЕЛЯЕТСЯ!»

Сашка приняла эту истину, этот девиз только пройдя через множество жизненных ситуаций и катаклизмов.

Если бы она тогда знала, что индивидуальность и внутренний стержень не надо скрывать, что не надо следовать наперекор своему внутреннему нутру, что не надо «быть как все», не надо стремиться соответствовать нормам, ожиданиям или поведению большинства, не надо не выделяться из толпы, не надо следовать общим правилам и стандартам во-

преки своему нутру. Но общество её никак не принимало и не понимало.

Та самая ПОТРЕБНОСТЬ В ПРИНАДЛЕЖНОСТИ — желание быть принятым в группе, чувствовать себя «своим», СТРАХ ОТВЕРЖЕНИЯ — боязнь быть осмеянным, непонятым или исключённым из коллектива, из года в год давило, душило и убивало Сашку. Но она это не осознавала и поэтому жизнь ещё больше её била и жалила.

В древности быть изгнанным из племени означало верную смерть, поэтому мозг выработал программу «делай как все» для обеспечения безопасности.

Но Саша родилась с уникальным потенциалом, считая единственным достойным сценарием жизни — раскрыть его на полную, став гордостью семьи и дотянуться до невиданных в роду высот.

Красота — спасёт мир. Но никто не говорил, что красоте придётся преодолеть так много трудностей, чтобы не просто спасти мир, а спастись самой. В прямом смысле — выжить.

1. Сашка ещё не знала… Начало длинного пути

Вторая половина 80-х.

Посёлок.

Средний — не маленький, чтобы каждый встречный оказывался знакомым, и не настолько большой, чтобы в нём можно было затеряться. Здесь всё было на виду, но ничто не казалось до конца своим.

Главная улица тянулась, как старая артерия, и по ней постоянно кто-нибудь шёл, ехал или просто бесцельно слонялся. Дома двухэтажные многоквартирные, старые деревянные, неожиданно попадаются свежие кирпичные коттеджи, будто кто-то пытался на одном и том же месте прожить сразу несколько разных жизней.

Днём здесь можно было встретить молодую пару — красивую, современную, будто случайно заблудившуюся сюда из большого города.

Чуть дальше с шумом и визгом проносилась целая толпа ребятишек. Маленькие, быстрые, неугомонные — они не шли, а именно неслись, толкаясь, крича и перекрикивая друг друга. Их появление всегда было похоже на внезапный порыв ветра: только что улица была относительно тихой — и вот уже по ней катится волна детского гама, смеха и топота.

У магазина, как водится, сидели двое местных мужиков. Они могли спорить часами. О чём именно — иногда было совершенно непонятно даже им самим. Один горячился, второй перебивал, первый вскакивал, второй тоже начинал махать руками. Рядом стояли пластиковые бутылки, а мимо проходили люди, давно привыкшие к этому представлению.

Посёлок не вмешивался. Он вообще редко чему-либо удивлялся. Здесь рядом могли существовать вещи, которым в нормальном мире, казалось бы, полагалось находиться на разных планетах. Поэтому совершенно естественно было однажды увидеть на этой же улице женщину в длинном платье, густо украшенном рюшами, и с огромной шляпой на голове. Она шла медленно, спокойно, словно прогуливалась не по пыльной дороге между магазинами и старыми заборами, а по аллее какого-нибудь старинного поместья. Никто не знал, откуда она взялась. Никто не спрашивал. Она просто проходила мимо — величественная, немного нелепая и совершенно невозмутимая. На фоне посёлка она казалась человеком из другого времени. Или даже из другого мира, который ненадолго открыл дверь, заглянул сюда, решил, что всё в порядке, и отправился дальше. И именно поэтому она здесь совершенно не выглядела чужой. Посёлок принимал всех. Молодых влюблённых, шумных детей, вечных спорщиков, странных одиночек, стариков на лавочках, людей, которые всю жизнь прожили на одной улице, и тех, кто неизвестно зачем оказался здесь на несколько дней.

Он ничего не требовал от своих жителей. Не заставлял быть одинаковыми. Не спрашивал, почему один человек носит спортивный костюм, другой — старое пальто, а третий разгуливает в платье с рюшами и шляпе размером с небольшой зонтик. Все они каким-то образом помещались в одном пространстве. И от этого посёлок казался не убогим и не провинциальным, а странно живым. Будто он состоял из множества маленьких миров, которые случайно соприкоснулись и решили больше не расходиться.

Здесь рядом с облупившейся стеной мог цвести ухоженный розовый куст. Из окна старого дома могла звучать современная музыка. На лавочке могли обсуждать цены на продукты, а за поворотом, среди привычной серости, вдруг появлялся человек, словно выпавший из другой эпохи.

Посёлок был именно таким.

Немного нелепым.

Немного потрёпанным.

Шумным, противоречивым, живым.

И, пожалуй, в этом была его главная особенность: здесь никогда нельзя было точно знать, кого ты встретишь следующим.

***

Она поднималась по деревянной лестнице старенького двухэтажного многоквартирного дома. Маленькая девчушка, лет пяти, с длинными светлыми волосами цвета пшениц-

ного перламутра. Её большие серо-зелёные глаза казались необыкновенно ясными и внимательными ко всему происходящему вокруг, а лицо с выразительными гармоничными чертами притягивало взгляд каждого. Худощавая, тоненькая и лёгкая, в её облике сочетались детская непосредственность и какая-то удивительная внутренняя зрелость, делавшая её одновременно хрупкой и сильной, от этого девочка казалась ещё более особенной и запоминающейся.

Приложив немалые усилия, чтобы открыть массивную дверь, скрытую под бесчисленными слоями старой краски, Сашка зашла к себе домой. Пробежав по длинному мрачному коридору, она привычно перескочила через скрипучую половицу, которая всегда жалобно стонала под ногами. В полумраке пахло всем сразу: вчерашним супом, табачным дымом, сыростью, хозяйственным мылом и чем-то кислым, что, казалось, навсегда въелось в стены.

Коммунальная квартира была старой, с высокими потолками и облупившейся лепниной, давно утратившей былую красоту. По одну сторону коридора располагались три комнаты, каждая за своей тяжёлой дверью и со своей жизнью.

Из первой комнаты то и дело доносились кашель и иногда звон посуды. Здесь обитала одинокая худощавая бабулька. Она почти не выходила из своей комнаты, словно давно отгородилась от остального мира. Дверь открывалась лишь изредка — чтобы поставить чайник, набрать воды или ненадолго выглянуть в коридор. Большую часть времени она про-

водила в тишине, ведя размеренную, почти затворническую жизнь. Казалось, дни ее текли одинаково, растворяясь в привычных бытовых мелочах и редких звуках, доносившихся из-за тонкой двери.

За второй обычно громко работал телевизор — его хозяева почти никогда не выключали звук. Там жила обычная среднестатистическая семья — папа, мама, дочь. Сашка побаивалась хозяина этой комнаты, потому что её часто пугали за непослушание «Бармалеем». И хотя она уже понимала, что Бармалей — всего лишь сказочный персонаж, детское воображение упрямо дорисовывало его черты в облике хозяина комнаты. Густые усы, нахмуренные брови, суровый взгляд исподлобья и широкие плечи делали его удивительно похожим на того самого страшного разбойника из детских книжек. Стоило ему молча появиться в дверях или тяжело пройти по коридору, как Сашке казалось, будто сказочный Бармалей на минуту ожил и заглянул в их комнату. Конечно, на самом деле он вовсе не был злым человеком, но детский страх редко подчиняется здравому смыслу: внешнее сходство оказалось сильнее любых объяснений.

Комната Сашки была самой последней, у самой кухни. Напротив неё находилась маленькая кладовая с перекошенной дверью, которая плохо закрывалась, где в основном хранились старые газеты и журналы. Скорее всего в проекте квартиры, это помещение подразумевало собой туалет, но почему-то канализацию в том доме так и не предусмотрели. А

за стеной шумела кухня — настоящее сердце коммуналки. Там с раннего утра гремели кастрюли, свистел чайник, спорили соседи, кто опять занял плиту, и хлопал старенький холодильник, вздрагивая при каждом включении.

Возле кухни пол всегда был немного липким, а на подоконнике стояли банки с луком, пустые стеклянные бутылки и чьи-то забытые кружки. В коридоре на верёвках под потолком сохло бельё, превращая и без того узкий проход в настоящий лабиринт.

Дверь в комнату Сашки была ничем не примечательной — потёртая, с облезлой белой краской. Но стоило переступить порог комнаты, как шум коммуналки становился немного тише. Комната была маленькой, но уютной по-своему. У окна стоял старый полуразваленный диван, на котором спали Сашкины родители. Рядом в дальнем углу — старый письменный стол, исцарапанный годами, и книжная полка, заставленная потрёпанными книгами и несколькими любимыми игрушками Сашки.

Напротив родительского дивана — двухъярусная кровать. Наверху спала Сашка, а внизу — её младшая сестра Сонька. Деревянные бортики были отполированы детскими ладонями, а лестница тихонько поскрипывала каждый раз, когда Сашка забиралась наверх.

У другой стены, ближе к двери, стояла детская кроватка для самого младшего ребёнка в семье — мальчугана Егорки. Рядом с ней возвышался громоздкий трёхдверный шкаф, за-

нимавший почти всю стену. Его дверцы закрывались с усилием и неизменно скрипели, а внутри вперемешку хранилось всё семейное богатство: аккуратно сложенная одежда, стопки постельного белья, старые альбомы, коробки с игрушками и вещи, которые жалко было выбросить. Несмотря на тесноту, у каждого здесь был свой уголок, и комната казалась не просто местом для сна, а маленьким миром, где помещалась вся жизнь семьи.

А за окном шумел двор, из кухни по-прежнему доносились чужие голоса, звон ложек и запах жареного лука — неизменные звуки и запахи дома, в котором никто никогда не жил по-настоящему один.

Это была самая обычная семья своего времени — настолько обычная, что никто не видел в ней ничего особенного. Мама Сашки работала продавцом в небольшом продовольственном магазине, где товары отпускали по талонам, а прилавки редко радовали изобилием. Она знала постоянных покупателей по именам, умела улыбнуться даже тогда, когда вместо долгожданного масла приходилось разводить руками. Домой она приносила запах свежего хлеба, смешанный с усталостью длинных смен.

А отец служил в местной милиции. Его рабочие будни пахли табачным дымом, дешёвой водкой и бесконечными разговорами о человеческих бедах. На кухонном столе нередко лежала смятая пачка «Примы», а бутылка «Столичной» воспринималась не как символ праздника, а как при-

вычный атрибут жизни, такой же естественный, как эмалированный чайник или старый радиоприёмник.

В тесной квартире росли трое малышей. Разница в возрасте была совсем небольшой, поэтому казалось, что они появились на свет почти одновременно. Игрушек не хватало, одежды часто доставалось «по наследству» друг от друга, но дети этого не замечали. Они просто жили — смеялись, дрались из-за пустяков, мирились через пять минут и засыпали под приглушённые голоса взрослых. Они ещё не умели сравнивать свою жизнь с чужой и не подозревали, что впереди каждого ждёт собственная история, полная неожиданных поворотов.

Впрочем, так тогда жили многие. Маленькие квартиры, очереди за продуктами, талоны, одинаковая мебель, ковры на стенах и вера в то, что завтра обязательно будет немного лучше, чем сегодня. Это была эпоха, в которой счастье складывалось не из достатка, а из простых вещей, на которые никто не обращал внимания.

За стеной, в соседней квартире, обосновалась казахская семья. Их двери почти никогда не запирались надолго, а из квартиры часто доносились запахи свежих баурсаков, горячего чая и незнакомых специй. Там жили две сестры — Адия и Асель. Адия — ровесница Сашки, поэтому дружба между девочками возникла сама собой, словно была задумана кем-то заранее.

Летом они исчезали на целые дни. Из старых стульев и

простыней строили настоящие дворцы на балконе, придумывали тайные комнаты, где взрослым вход был запрещён. Белые простыни превращались в стены сказочного замка, а полоски солнечного света, пробивавшиеся сквозь ткань, казались волшебными окнами. Девочки часами обсуждали свои детские секреты, делились мечтами, которые к вечеру уже успевали забыть.

Иногда игры переносились в общий деревянный подъезд. Старые, натёртые тысячами ног доски тихонько поскрипывали под босыми пятками, а каждый лестничный пролёт становился новым миром. Здесь можно было быть путешественниками, разведчиками, принцессами или отважными капитанами. Взрослые лишь изредка выглядывали из квартир, чтобы позвать детей домой ужинать, и снова закрывали двери, оставляя их маленькую вселенную нетронутой.

Тогда ещё никто не думал о том, что время умеет стирать запахи, голоса и лица. Никто не знал, что однажды деревянный подъезд исчезнет, старые дома уступят место новым, а детские крепости из стульев и простыней останутся существовать только в памяти. Но именно из таких мгновений — простых, незаметных, почти обыденных — и складывается настоящее детство. То самое, к которому человек потом возвращается всю жизнь, пытаясь вновь услышать скрип лестницы, почувствовать тепло нагретого солнцем балкона и увидеть улыбающееся лицо маленькой Адияшки, которая тогда казалась не просто соседской девочкой, а частью соб-

ственного мира.

***

Дождь начинался неожиданно. Сначала ветер приносил тяжёлый запах мокрой земли, потом на раскалённый асфальт падали первые редкие капли, а через минуту небо будто разрывалось надвое.

Взрослые спешили прятаться под крышами, закрывали форточки и торопливо снимали с верёвок бельё. А дети, наоборот, выбегали навстречу ливню.

Во дворе, у самого угла дома, висела большая водосточная труба. Из неё с оглушительным грохотом вырывался настоящий водопад. Казалось невероятным, что столько воды может поместиться в одной трубе.

— Давай! — первой крикнула Адияшка.

Они подбежали одновременно.

Ледяной поток с силой ударил по макушкам. Вода обрушивалась так мощно, что невозможно было открыть глаза, невозможно было вдохнуть полной грудью. Девчонки визжали, хохотали, отпрыгивали в сторону и снова, будто заколдованные, возвращались под эту шумную прозрачную стену.

Было страшно.

По-настоящему страшно.

Казалось, ещё немного — и поток придавит, собьёт с ног, унесёт куда-то вниз, вместе с дождевой водой. Но именно этот детский страх почему-то делал игру ещё счастливее. По-

ка сердце колотилось где-то в горле, пока холодные струи барабанили по голове, мир существовал только здесь — под старой водосточной трубой, где двум пятилетним девчонкам казалось, что они победили сам дождь.

***

Первый Сашкин настоящий двухколёсный велосипед появился словно билет во взрослую жизнь. Олимпик — такой был у всех, с блестящим звонком, который казался самым красивым звуком на свете.

Сашка долго не могла поймать равновесие. Велосипед упрямо заваливался набок, педали не слушались, а руль жил собственной жизнью. Адия терпеливо помогала.

— Не бойся! Я держу!

И действительно держала. Одной рукой за багажник, другой подталкивая вперёд. Всё быстрее. Всё увереннее.

По огромной центральной площади они неслись так, словно впереди их ждала целая страна.

— Крути! Крути! Не останавливайся! — кричала Адия.

Сашка отчаянно работала ногами, даже не замечая, что шаги подруги уже давно перестали звучать рядом.

В какой-то момент Адия просто разжала руку. Без предупреждения. Без команды. Она отпустила её в первую самостоятельную дорогу.

Несколько счастливых секунд велосипед летел сам. Мир распахнулся навстречу. Ветер ударил в лицо, сердце запры-

гало от восторга: «получилось!»

А потом пришло осознание. «Я одна…» Руки дрогнули. Руль резко вильнул. Земля мгновенно оказалась совсем рядом. Падение было громким, обидным и очень болезненным. Содранные в кровь колени жгло так, словно их посыпали солью. На глазах выступили слёзы, но сильнее боли было возмущение.

— Ты же обещала держать!..

Адия подбежала первой. Испуганная лишь на секунду, она вдруг рассмеялась своим звонким детским смехом.

— Так ты же ехала сама!

И действительно… ехала.

Спустя годы боль давно исчезла. Высохли ссадины, затянулись шрамы, забылся тот самый велосипед. Только колени до сих пор иногда напоминают о себе — не рубцами, а памятью. Памятью о том, как одна маленькая девочка однажды отпустила руку другой, чтобы та впервые почувствовала самое сладкое чувство детства — полёт, который всегда начинается с неизбежного падения.

***

Валя потеряла отца, когда под сердцем уже семь месяцев носила своего первенца. Горе пришло внезапно, как приходит оно всегда — не спрашивая, не выбирая времени, не щадя ни живых, ни ещё не рождённых.

Её отец был человеком редкой доброты. Он очень любил

детей — не для вида, по-настоящему, всей душой. Валя часто говорила, что он больше жизни любил бы своих внуков: носил бы их на руках, смеялся бы их шалостям, терпел бы капризы и радовался каждому их слову, как чуду. В нём было то тёплое, почти забытое человеческое участие, которое особенно ясно замечаешь только после утраты.

Но на похороны Валю не пустили. Павел, её муж, не позволил ей проститься с отцом, не дал проводить его в последний путь. Он боялся — боялся за Валю, за их будущего ребёнка, за Сашку, которая уже жила в её животике, росла там, крепла, толкалась маленькой, ещё неведомой жизнью. И, наверное, в этом страхе было не меньше любви, чем в любом прощании. Просто любовь его оказалась грубой, тяжёлой, неумелой — такой, что ранит, даже когда хочет уберечь.

Валя потом долго молчала об этом. Не потому, что забыла, — забыть такое невозможно. Просто в ней навсегда осталась та пустота, которая возникает, когда не успеваешь сказать последнее слово тому, кто был дорог. Не успеваешь коснуться руки. Не успеваешь шепнуть: «Прости». Не успеваешь отправить в последний путь.

И всё же именно тогда, среди боли и тишины, было принято имя для ребёнка. Девочку назвали Сашей — в честь погибшего деда, маминого отца. Имя словно само легло на судьбу, как тёплая ладонь на лоб. У Павла мать тоже звали Сашей, но для всех она была бабой Шурой — любимой, родной, той самой, чьё имя в доме произносили с уважением

и нежностью. Так что сомнений не возникло ни у кого: первенца назовут именно так.

И, МОЖЕТ БЫТЬ, ЭТО БЫЛО НЕ ПРОСТО ИМЯ.

Может быть, это был первый тихий звоночек — едва слышный, почти незаметный, но уже предвещающий непростое будущее маленького человека, который ещё даже не успел родиться, а судьба уже начала осторожно, но настойчиво стучаться в его жизнь.

***

Сашке было всего шесть. Она лежала на первом ярусе двухэтажной кровати, уткнувшись взглядом в полумрак комнаты, и вдруг почувствовала странную, необъяснимую тревогу — такую, от которой сжимается грудь и становится трудно даже просто лежать спокойно. Ей захотелось позвать маму. Сначала несмело, почти шёпотом:

— Ма-ма…

Но мама не откликнулась.

Тогда девочка позвала громче, уже с детским отчаянием, в котором ещё нет слов для страха, но сам страх уже живёт внутри:

— Мама!

И в ту же секунду её будто накрыло чем-то тяжёлым и холодным. Сашка замерла. В глазах поплыла пелена, в голове

мелькнули какие-то непонятные, рваные образы, не складывающиеся ни в одну ясную мысль. Она сама не понимала, что с ней происходит, только чувствовала, как всё внутри сжимается, каменеет, уходит куда-то вглубь, в немоту.

Сквозь эту мутную пелену неосознанности ей вдруг явился образ мамы — молодой, совсем ещё юной, двадцатисемилетней женщины, которая изо дня в день пыталась как-то выживать в тех непростых условиях, тянуть дом, детей, быт, усталость и надежду. Трое малышей, тесная квартира, бесконечные заботы, вечная нехватка времени и сил — и всё же где-то глубоко внутри она продолжала верить, что впереди обязательно будет светлое будущее. Ради них. Ради своих детей. Ради этой хрупкой, упрямой надежды, которая не давала ей сломаться.

— Ты меня звала? — чётко услышала Сашка.

Но когда она попыталась ответить, из горла не вырвалось ни звука. Она хотела сказать: «Да, мама, я здесь», хотела объяснить, что ей страшно, что ей нужно, чтобы её услышали, чтобы просто подошли, обняли, успокоили. Но слова не шли. Чем сильнее она старалась, тем глубже проваливалась в это странное оцепенение, будто невидимая тяжесть прижимала её к кровати и не позволяла даже пошевелиться.

Мама повысила голос, в её тоне уже слышалось раздражение, усталость, нетерпение:

— Что ты хотела, дочь?

А Сашка всё молчала.

Слёзы сами покатились из глаз, горячие и беспомощные. Внутри у неё метались тысячи неясных мыслей, обрывков чувств, детских, ещё не оформленных в слова. Она кричала в себе, в самом глубоком, тайном уголке сознания: «Мамочка, я здесь! Я слышу! Услышь и ты меня!» — но губы оставались неподвижны, и ни единого слова так и не сорвалось наружу.

Мама постояла ещё мгновение, потом молча развернулась и ушла. Ей было не до этого. Быт тех времён не оставлял права на долгие остановки, на лишнюю нежность, на лишний разговор. Младшие брат и сестра требовали внимания, дом требовал рук, день требовал сил, и всё это без конца забирало у неё последние крохи терпения и тепла.

А Сашка осталась лежать одна — маленькая, беззащитная, с мокрыми щеками и тяжёлым, непонятным чувством внутри, которое тогда ещё не умела назвать ни страхом, ни одиночеством, ни болью. Она только знала, что очень хотела быть услышанной.

Уткнувшись взглядом в полумрак комнаты, она думала о том, что ей отчаянно хочется быть замеченной. Не просто услышанной — замеченной. Чтобы кто-нибудь вдруг остановился, посмотрел на неё внимательно и сказал: «Вот она. Саша». Ей хотелось выделяться из толпы, хотелось, чтобы мир наконец увидел в ней не тихую, незаметную девочку, а отдельную, живую, яркую личность.

Она сочиняла стихи. Слова приходили к ней сами — неровные, детские, но удивительно точные. Она складывала

их в строчки, как будто строила из них свой собственный тайный дом. Только никому этих стихов не показывала. Прятала их глубоко внутри, словно боялась, что если кто-то прочтёт, то посмеётся или, что ещё страшнее, не придаст им никакого значения. А ей так хотелось, чтобы её услышали.

Иногда по вечерам она мечтала, что будет танцевать. Легко, красиво, так, чтобы все замолчали и смотрели только на неё. Иногда — что будет петь, и голос её поднимется над двором, над подъездом, над тесной квартирой, над всей этой серой, будничной жизнью. В этих мечтах было что-то почти отчаянное: не просто желание славы, а потребность доказать самой себе, что она существует, что она не растворилась в чужих заботах, не стала тенью.

Потому что дома её почти не замечали.

Мама жила в бесконечной круговерти дел. На её плечах были младшие брат и сестра, еда, стирка, очереди, усталость, вечная нехватка времени и сил. Отец постепенно проваливался в нишу алкоголизма, и с каждым днём в доме становилось всё больше тяжёлого молчания, раздражения и бессилия. Взрослые были заняты выживанием, а Саша — слишком чувствительная, слишком неудобная для этого мира — всё чаще чувствовала себя изгоем. Никому не нужной. Никому не любимой.

И тогда она уходила к бабе Шуре.

У бабы Шуры было особое место в её жизни — тёплое, надёжное, почти спасительное. Можно было сказать, что имен-

но она и воспитывала Сашу: не по обязанности, не по книжным правилам, а по-настоящему, сердцем. Баба Шура работала мужским парикмахером — тогда ещё не было универсалов, и это ремесло требовало особой твёрдости руки, терпения и настоящего мастерства. Она была великим мастером своего дела. Мужчины выстраивались к ней в очередь, потому что знали: у Шуры стрижка будет аккуратной, а лицо — выбритым до блеска, без единой лишней щетинки.

Парикмахерские советского времени делились на два зала: мужской и женский. Стены обоих залов обычно были украшены черно-белыми фотографиями актеров и киноактрис или же образцами модельных стрижек и красивых укладок, а в воздухе висел характерный и никогда не выветривающийся запах нагретых волос, средств для химической завивки, одеколонов, укладочных средств. И да, если вы внимательно присмотритесь к фотографиям того времени, то почти у каждого мужчины чёлка будет уложена на правую сторону — тогда почему-то считалось, что это «мужская» сторона. Женщины же, соответственно, укладывали чёлки на левую сторону лба. Кроме того, клиентам мужского зала предлагалась услуга по стрижке бороды и усов, бритью и освежения лица одеколоном. Одеколонов у мастера, как правило, было несколько видов: их разливали в красивые флаконы с пульверизатором и различались они по цене, зависящей

от сложности аромата. Большинство клиентов предпочитало «Шипр» или «Тройной».

Именно, от этих флаконов, баба Шура бережно собирала колпачки, которые снимались перед тем как надеть на них пульверизатор. Их накопилось так много, что можно было складывать в слова и даже в причудливые картинки, в виде цветочков или бабочек. Это была тихая, почти священная игра Сашки. Маленькие крышечки, яркие, блестящие, превращались в её руках в целый мир. Она раскладывала их, подбирала по цвету, по форме, по настроению, и из этих мелочей складывалось что-то удивительно цельное и красивое. Может быть, именно тогда, среди запаха одеколона, мужских голосов и звона ножниц, в ней и рождалось первое чувство формы, ритма, композиции — то самое чувство, которое потом выльется в стихи, в мечты о танце, в желание быть не как все.

Даже спустя годы, почти до самой смерти, баба Шура продолжала стричь своих любимых клиентов на дому. Для неё это было не просто работой — это была жизнь, привычный ритуал, в котором всё имело своё место: накидка на плечи, звон ножниц, запах одеколона, горячая вода, мыльная пена и осторожное движение бритвы по мужской щеке.

Саша могла сидеть рядом часами, не отрывая глаз. Её завораживало всё: как баба Шура ловко перебирает пряди, как

расчёска скользит по волосам, как в зеркале меняется чужое лицо, становясь моложе, строже или, наоборот, мягче. Она смотрела на это почти как на волшебство. В этих движениях было что-то от сцены, от искусства, от той самой красоты, о которой Саша мечтала по ночам.

— Сиди тихо, Сашенька, — говорила баба Шура, не отрываясь от работы. — У тебя глаз зоркий, ты всё замечаешь.

И Саша сидела. Слушала. Смотрела. Запоминала.

Там, у бабы Шуры, она впервые чувствовала себя не лишней, а нужной. Не обузой, а маленьким свидетелем большого, настоящего дела. И, может быть, именно поэтому запах одеколона, шелест накидки и тихий скрип парикмахерского кресла навсегда остались в её памяти как первые звуки той жизни, где её наконец-то видели.

***

В соседнем подъезде жила тётя Зоя — лучшая подруга Вали. Они когда-то были одноклассницами, как, впрочем, и Валин муж Павел. Сдружились ещё в старших классах и с тех пор были почти неразлучны, будто сама жизнь сшила их одной ниткой и уже не собиралась распускать этот крепкий шов. У Зои был сын Витька — на пару лет старше Сашки, шумный, быстрый, вечно куда-то несущийся мальчишка, и совсем недавно родившаяся дочка Оля, крошечная, тёплая, пахнущая молоком и пелёнками.

Саша иногда бывала у них.. Витька мог с важным видом

показывать ей свои сокровища — стекляшки, машинки, рогатки, — а потом вдруг, без всякой причины, начинал носиться по комнате, и Саша, смеясь, бежала следом. А маленькая Оля лежала в кроватке и смотрела на мир широко раскрытыми глазами, будто уже с первых дней жизни пыталась понять, что это за странное место — дом, двор, подъезд, детство.

— Сашка! — донёсся со двора звонкий голос Витьки. — Выходи! Я такую игру придумал!

Сашка, которая только что помогала маме складывать выстиранное бельё, вопросительно посмотрела на маму.

— Можно? — тихо спросила она.

— Только ненадолго.

Сашка кивнула и уже через минуту сбегала по лестнице. Витька ждал её у подъезда, нетерпеливо переступая с ноги на ногу. В руках он держал огромную картонную коробку.

— Пошли! — заговорщически прошептал он. — Сейчас покажу.

Они поднялись к нему домой. Витька потащил Сашку в комнату. Там он торжественно поставил ящик на пол и утвердительно произнёс:

— Будем строить дом.

— Дом? — удивилась Сашка.

— Да, настоящий! И мы будем в нём жить, как настоящая семья.

— Ты будешь жена, — объявил он. — А я — муж.

Сашка серьёзно кивнула.

Они долго ковырялись, пытаясь прорезать детскими тупыми ножницами окна и дверь, что-то клеили, где-то отрывали. Тут Витька, резко подскочив и запрыгнув на кровать родителей приказным тоном закричал:

— Пора спать! Раздевайся и ложись в кровать!

Сашка оторопев то ли от громкого тона, то ли от наглости Витьки, поспешила подчиниться. Она робко стянула свой розовый сарафанчик и оставшись в одних трусах, молча проскользнула под массивное ватное одеяло. Витька лёг рядом. Они молча лежали и смотрели в потолок.

Сашка не понимала, почему она так себя повела. Возможно потому, что у неё уже сформировалась определённая модель поведения — «модель подчинения» мужчине, «подсмотренная» у родителей.

В те года, в СССР официально провозглашалось равноправие мужчины и женщины в семье. В законодательстве (например, в Кодексе о браке и семье РСФСР) прямо закреплялось: в семейных отношениях супруги имеют равные личные и имущественные права. То есть подчинение женщины мужчине не считалось нормой с точки зрения государственной идеологии.

Но на практике в обществе действительно бытовали представления, где мужчина доминировал, а женщина под-

чинялась.

Норма «мужчина главный в семье» была не государственной установкой, а живым, но противоречивым следом старых традиций и следствием конкретных социально-экономических условий.

— Смотри! — почти беззвучно прошептал Витька и указал на окно. — Там вертолёт!

Сашка, до этого лежавшая неподвижно, словно погружённая в тяжёлый, гипнотический сон, вздрогнула. Её взгляд медленно сфокусировался, будто она только сейчас вернулась в реальность. Несколько секунд она непонимающе смотрела на Витьку, затем перевела глаза к окну.

Она уже хотела что-то сказать, но в ту же секунду за дверью послышались шаги. Тяжёлые. Неторопливые. Они приближались по коридору.

Витька мгновенно соскочил с кровати, а Сашка застыла, боясь даже вдохнуть. Казалось, каждый удар сердца эхом отдавался в тишине комнаты.

Шаги остановились прямо за дверью. Щёлкнула ручка. Дверь медленно открылась. На пороге появилась Зоя. Она внимательно посмотрела сначала на Витьку, затем на Сашку. На её лице можно было прочитать удивление и непонимание.

— Чем это вы тут занимаетесь? — немного повышенным тоном спросила мама Витьки.

Витька ненадолго задумался, и словно ничего и не произошло, в одно мгновение переключился на новую игру. Он уже носился по комнате, размахивая палкой, отдавая самому себе короткие команды и стреляя по невидимому противнику.

Сашка так и лежала неподвижно. Её будто пригвоздило к кровати. Она смотрела молча в потолок, но почти ничего не видела. Внутри нарастало глухое, необъяснимое чувство, что произошло что-то неправильное. Что-то такое, чему она ещё не знала названия. Одна эмоция сменяла другую. Сначала жгучий стыд, от которого хотелось провалиться сквозь землю. Потом — липкий страх, холодной волной пробежавший по спине. Затем растерянность, обида, смущение… Всё смешалось в один тугой комок, не давая ни вздохнуть, ни пошевелиться.

— Что здесь происходит? — голос Зои прозвучал неожиданно громко.

Она повысила тон ещё сильнее, и от её резких слов весь дом словно замер. Витька вздрогнул. На мгновение он застыл, словно пойманный с поличным. Потом торопливо, почти выкрикнул:

— Играем!

— Во что? — не отступала Зоя, внимательно переводя взгляд с одного ребёнка на другого.

Витька замялся. Ответ не приходил сразу. Он быстро оглянулся на Сашку, словно надеясь найти подсказку.

— В… дом, — наконец выдавил он.

Зоя молчала.

Под этим молчанием становилось всё неуютнее.

Егорка поспешил добавить, уже гораздо увереннее:

— Строим дом.

Последние слова прозвучали слишком быстро, будто он хотел не объяснить, а спрятаться за ними. Во комнате снова воцарилась тишина, но теперь она была совсем другой — тяжёлой, настороженной, словно воздух между взрослыми и детьми внезапно стал плотнее.

Зоя стояла неподвижно, переводя взгляд с одного ребёнка на другого. Она слишком хорошо знала, как быстро взрослеют дети в таком доме. Большом, с тёмными коридорами и бесконечной чередой коммунальных квартир, где чужая жизнь всегда была на виду. Здесь невозможно было не слышать ссор за тонкими стенами, не видеть пьянок во дворе, не замечать случайно приоткрытых дверей и того, что взрослые предпочли бы скрыть. Дети впитывали всё без разбора. Никто их этому не учил, но они всё равно узнавали слишком многое — раньше времени, случайно, обрывками разговоров, чужими поступками, увиденными украдкой сценами. Такова была жизнь, и уберечь от неё было почти невозможно.

Зоя тяжело вздохнула. Она понимала, что ругать их бессмысленно. Они ещё сами не осознавали, где проходит граница между обычной игрой и тем, что уже переставало быть

игрой.

Не найдя слов лучше, она резко сказала:

— Сашка, марш домой!

В голосе прозвучала такая непривычная строгость, что девочка даже не попыталась возразить.

Дрожащими пальцами она торопливо натянула сарафан, едва попадая в бретельки. Сердце колотилось где-то в горле. Не оглядываясь, Сашка выскочила из комнаты и бросилась бежать. Казалось, за спиной действительно кто-то гнался. Не человек — чудовище, которому нельзя было дать себя догнать.

Она мчалась по длинному коридору, слетела с крыльца, пересекла двор и нырнула в свой подъезд.

В голове одна за другой вспыхивали тревожные мысли.

«А если тётя Зоя расскажет маме?..» От этой мысли стало трудно дышать. «Мама обязательно скажет папе…»

Она будто уже слышала его тяжёлые шаги, скрип ремня, суровое молчание перед наказанием.

«Он меня убьёт… Нет… Не убьёт… Но ремень достанет точно…»

От одной этой мысли всё внутри сжалось. Она заранее готовила себя к боли — резкой, обжигающей, которая быстро проходит. Но куда страшнее казалось другое — стыд. Тот самый, от которого невозможно спрятаться, когда на тебя смотрят взрослые, разочарованные и чужие, словно ты вдруг стала совсем не тем ребёнком, которого они любили.

Сашка уже не понимала, чего боится сильнее: ремня, отцовского взгляда или разговора, который неизбежно последует после.

Нырнув в свою комнату, Сашка тихо прикрыла за собой дверь и только тогда позволила себе перевести дух. Казалось, сами стены, знакомые с самого детства, укрывали её от всего, что осталось за порогом. Здесь пахло солнцем, нагретым через окно, книжными страницами и чем-то неуловимо домашним. Тревога, ещё минуту назад сжимавшая грудь, немного ослабла. Она присела на край кровати, машинально разглаживая покрывало. В голове роились мысли, но ни одна не успевала оформиться — их перебивал страх, что взрослые вот-вот начнут обсуждать случившееся.

Дверь скрипнула. В комнату заглянула мама. Она лишь мельком посмотрела на дочь, будто не заметив ни её растерянности, ни покрасневших глаз.

— Ты чего здесь сидишь? — удивилась она. — На улице лето. Дуй гулять.

Сашка подняла голову. Она поняла, что разговор, которого она так боялась, не состоится, по крайней мере, сейчас. Скорее всего тётя Зоя ещё не успела ничего рассказать. Сердце облегчённо ёкнуло.

— Ага, — быстро бросила она и, не давая маме повода передумать или задать ещё хоть один вопрос, вскочила с кровати.

Через секунду хлопнула входная дверь.

На улице всё было по-прежнему. Тёплый ветер шевелил листву, где-то стрекотали кузнечики, а двор жил своей привычной жизнью. Стоило Сашке вдохнуть горячий летний воздух, как тяжёлые мысли начали понемногу отступать. Детский смех оказался сильнее тревоги.

Возле старой деревянной песочницы уже собралась шумная компания. Кто-то строил крепость из влажного песка, кто-то спорил из-за игрушечной лопатки, мальчишки носились вокруг, поднимая пыль, а девчонки звонко смеялись над какой-то своей шуткой.

— Сашка! Иди к нам! — крикнул кто-то.

Она улыбнулась — совершенно искренне — и, не раздумывая, побежала к ребятам. Уже через несколько минут она смеялась вместе со всеми, забыв о том, что ещё недавно казалось таким важным. Лето обладало удивительной способностью: оно словно растворяло детские страхи в солнечном свете, позволяя хотя бы ненадолго поверить, что ничего плохого не существует.

Тогда Сашка ещё не понимала, что именно в тот день жизнь впервые тихонько постучалась в её дверь, предупреждая о своём непростом характере. Это был первый, едва различимый звоночек — настолько слабый, что любой ребёнок принял бы его за случайность.

Она ещё не знала, что впереди её ждёт немало испытаний. Что жизнь раз за разом будет проверять её на прочность, подбрасывая новые трудности именно тогда, когда покажется,

что всё наконец наладилось. Что тревога однажды перестанет быть случайной гостьей и станет почти привычной спутницей, незримо сопровождающей её на каждом новом повороте судьбы.

Но удивительным образом именно эти испытания будут менять её. Каждая пережитая боль, каждое разочарование и каждый страх станут незаметными кирпичиками её характера. День за днём они научат её не сдаваться, видеть выход там, где другие видят тупик, и находить силы даже тогда, когда кажется, что их больше не осталось.

Пройдёт много лет, прежде чем Сашка поймёт: судьба не пыталась её сломать. Она учила её жить. И тот первый детский страх, растворившийся однажды в солнечном дворе среди звонкого смеха и игр, был лишь началом долгого пути, на котором ей предстояло стать гораздо сильнее, чем она могла себе представить.

2. Куда уходит детство? Сашка и чувство «нужности»

Дни тянулись один за другим, похожие, как страницы старой тетради. По утрам мама Валя торопливо собиралась на работу в магазин. Она приносила домой не только усталость, но и самое ценное, что тогда можно было добыть, — заветные талоны на продукты и одежду. Отец Павел часто задерживался на работе, говорил что приходится «сильно перерабатывать». Но с каждым месяцем за этим объяснением всё отчётливее угадывался запах алкоголя, который входил в дом раньше него самого.

Сашка, Сонька и маленький Егорка каждое утро уходили в детский сад. Со стороны могло показаться, что жизнь семьи течёт спокойно и правильно: родители работают, дети растут, вечерами вся семья собирается под одной крышей. Только за этой привычной картиной скрывалось совсем другое.

Чем старше становилась Сашка, тем яснее понимала: её замечают не потому, что любят, а потому, что она может быть полезной. Стоило маме затеять стирку — Сашка уже несла тяжёлый таз с бельём. Нужно было убрать квартиру — она молча бралась за веник и тряпку. Сонька раскапризничалась, Егорка заплакал — Сашке велели присмотреть за

младшими. И она присматривала, будто сама уже перестала быть ребёнком.

Если в доме заканчивался хлеб, вспоминали тоже о ней.

— Сашка, сбегай.

Слово «сбегай» звучало почти насмешкой. Бежать было некуда. Нужно было простоять сорок минут, а то и целый час в длинной, медленно ползущей очереди, крепко сжимая в ладони деньги и надеясь, что к её очереди ещё останется хотя бы пара буханок. Она возвращалась домой с онемевшими пальцами и тяжёлой сумкой, но никто не спрашивал, устала ли она.

Зато ошибки замечали сразу.

Разбитая чашка. Не до конца вытертая пыль. Слишком громкий смех. Медленно выполненное поручение. Иногда Сашка даже не понимала, в чём именно провинилась, но это ничего не меняло.

— В угол!

Она покорно становилась лицом к стене и часами смотрела на лакированную дверцу старого плательного шкафа, стараясь не шевелиться. Время тянулось бесконечно. Ноги затекали, глаза начинали слезиться, но ей казалось, что стоит только попросить прощения или заплакать — станет ещё хуже.

Иногда отец снимал ремень. Но куда страшнее были не удары. Когда Павел повышал голос, казалось, стены сжимались вокруг неё. Его крик заполнял всю квартиру, не остав-

ляя места ни для мыслей, ни для воздуха. Каждое слово ударяло сильнее ремня, заставляя сердце бешено колотиться где-то в горле.

В такие минуты Сашка мечтала только об одном — оглохнуть. Хотя бы ненадолго. Чтобы не слышать этого крика. Чтобы весь мир вдруг исчез, растворился в тишине, где никто не зовёт её виноватой и никому ничего от неё не нужно.

Но крик стихал, жизнь продолжалась, и на следующий день всё начиналось сначала — так же привычно и неотвратимо, как наступает утро после самой длинной ночи.

***

Однажды Сашку наказали ремнём за обычную заколку.

Маленькие пластмассовые бабочки с розовыми крылышками мама недавно купила ей в магазине. Заколки были такими красивыми — почти настоящим сокровищем. Сашка берегла их, а мама каждое утро аккуратно прикалывала по бабочке к каждому хвостику.

В тот день отец неожиданно взял Сашку с собой на работу. Его срочно вызвали по службе, и девочку пришлось оставить в милицейском УАЗике.

Машина казалась ей огромной. Не автомобилем — целым домом на колёсах. Высокий потолок, широкие сиденья, тяжёлые двери, пахнущие металлом, бензином и старой кожей. Пока отец ушёл в здание, Сашка сидела на заднем сиденье тихо, почти не дыша. Она боялась даже пошевелиться, слов-

но любое лишнее движение могло навлечь беду.

От нечего делать взгляд медленно скользил по салону. По потёртой обивке, по спинкам передних сидений, по мутным окнам… И вдруг остановился на металлической решётке за её спиной.

За решёткой начиналось загадочное пространство — отсек, который взрослые называли багажником. Но для Сашки это была настоящая тайная комната. «Что там находится?» «Зачем её отделили решёткой?» «Может, именно там перевозят преступников?» «Или хранят какие-то секретные вещи?»

Любопытство оказалось сильнее страха.

Она осторожно встала коленями на сиденье и, придерживаясь руками за спинку, приподнялась. Пытаясь заглянуть сквозь узкие металлические прутья, она вытянула шею как можно дальше.

И в этот самый миг случилось то, чего она даже не почувствовала сразу.

Заколка-бабочка медленно соскользнула с одного хвостика, ударилась о решётку, тихонько звякнула и исчезла в тёмной глубине за ней.

Сашка замерла.

Она слышала, как где-то за стенами здания хлопнула дверь. Сердце заколотилось так громко, что, казалось, его услышит весь двор.

Девочка медленно опустилась обратно на сиденье, сложи-

ла руки на коленях и стала смотреть прямо перед собой, будто ничего не произошло.

В голове одна за другой вспыхивали мысли. «Сказать папе?» «Если сказать, он наверняка достанет заколку. Наверняка сможет». Но тогда придётся объяснять, почему она крутилась в машине, почему не сидела спокойно. А значит… будет наказание. «Не говорить?» Тогда придётся навсегда попрощаться с любимой бабочкой.

Выбор оказался совсем недолгим. Страх наказания давно научился побеждать всё остальное. «Пусть лучше останется одна заколка, — подумала Сашка. — Лучше потерять вещь, чем снова чувствовать ремень».

Она так и не сказала ни слова.

Прошло несколько дней.

Отец, кажется, давно забыл ту поездку. Да и сама Сашка почти убедила себя, что история закончилась.

Но однажды утром мама, привычно собирая дочке хвостики, вдруг нахмурилась.

— А где вторая заколка?

Сашка почувствовала, как внутри всё оборвалось.

— Потерялась… наверное, — еле слышно произнесла она.

— Где потерялась?

— Не знаю…

Мама ещё некоторое время расспрашивала её, пытаясь понять, когда и где это случилось. Но Сашка только опускала

глаза. Она не могла рассказать правду. Не потому, что хотела обмануть. Просто знала: если всплывёт история с милицейской машиной, наказание будет ещё тяжелее.

В те годы вещи ценили совсем иначе. Для многодетной семьи даже маленькая пластмассовая заколка была не безделушкой, а покупкой, которую не так-то просто заменить.

Правды Сашка так и не сказала. Но это ничего не изменило. Наказание всё равно пришло. Сначала тяжёлый отцовский ремень, потом долгие часы лицом к стене. Стоя в углу, она думала только об одном: если бы тогда можно было вернуть время назад, она бы ни за что не подошла к той загадочной решётке.

А заколка-бабочка так и осталась лежать где-то в тёмном отсеке милицейского УАЗика — маленький детский секрет, навсегда запертый за металлическими прутьями.

***

В этот день Сашке показалось, что наконец-то судьба протянула ей руку.

Она так долго мечтала, чтобы родители хоть однажды посмотрели на неё с гордостью. Чтобы заметили. Чтобы увидели не просто старшую дочь, которая всегда должна быть взрослой и понятливой, а девочку, которая тоже умеет стараться, переживать, мечтать. Поэтому, когда в выпускной группе детского сада объявили, что на новогоднем утреннике роль Снегурочки сыграет одна из воспитанниц, Сашка по-

няла: это её шанс.

Воспитатели устроили настоящий отбор. Девочки читали стихи, пели, разыгрывали небольшие сценки. Кто-то смущался, кто-то забывал слова, кто-то начинал смеяться прямо посреди выступления.

Сашка не могла позволить себе ошибиться.

Она вложила в эти несколько минут всё, что только могла. Читала громко и отчётливо, стараясь не сбиться ни на одном слове. Пела так, словно от каждой ноты зависело её будущее. Улыбалась, изображала удивление, радость, доброту. Она будто перестала быть собой и действительно превратилась в сказочную внучку Деда Мороза.

Когда воспитательница объявила, что именно Сашка будет играть Снегурочку, девочка едва не заплакала от счастья. «Получилось… Они будут мной гордиться!»

Для неё сшили удивительный костюм. Белоснежный тулупчик с пушистой отделкой, лёгкую пышную юбочку, мягкие носочки-валенки, которые всё время норовили сползти с худеньких ног. Сашка с удовольствием примеряла наряд снова и снова, любуясь своим отражением в зеркале. Ей казалось, что никогда ещё она не была такой красивой.

Каждый вечер она учила длинные страницы текста. Повторяла их перед сном, шёпотом проговаривала по дороге в детский сад, терпеливо ходила на бесконечные репетиции.

Она не жаловалась. Потому что всё это было ради одного единственного момента. Ради того, чтобы родные «заме-

тили» её, чтобы гордились, чтобы уделяли ей хоть какое-то внимание, и в конце концов чтобы обняли, поцеловали и сказали приятные слова, которых Сашка, вроде и не слышала в свой жизни никогда из их уст. Ощущение любви и «нужности» она изредка чувствовала только тогда, когда бывала у бабушки Шуры.

Чтобы папа тогда сказал:

— Вот это моя дочь.

Или хотя бы мама тихонько вытерла слезу от умиления.

Наконец наступил долгожданный день.

Музыкальный зал сиял разноцветными гирляндами. Огромная ёлка переливалась огнями, пахло мандаринами, хвоей и сладкими конфетами. Родители постепенно занимали места.

Стоя за дверью, Сашка чувствовала, как громко стучит сердце.

— Начинаем! — раздался голос музыкального руководителя.

Ведущая объявила появление Снегурочки. Сашка вышла в центр зала. Первые слова она произнесла почти автоматически, а сама торопливо скользила взглядом по лицам зрителей.

Вот первый ряд… «Нет». Второй… «Тоже нет». «Может быть, с краю сидит бабушка?» «Нет…» «Может, мама просто опаздывает?»

Она продолжала говорить текст, улыбаться, водить хоро-

воды с детьми, отвечать Деду Морозу, петь песни. Никто не мог догадаться, что в эту самую минуту маленькая девочка отчаянно продолжает искать глазами хотя бы одно родное лицо.

Но его не было.

Ни мамы.

Ни папы.

Ни бабушки.

Никого.

Праздник закончился под громкие аплодисменты. Родители обнимали свои детей, хвалили за стихи и песни. Сашка стояла в своём белом тулупчике и чувствовала, как внутри становится холодно.

Она не ошиблась ни в одной реплике.

Не забыла ни одного слова.

Не подвела никого.

Только те, ради кого она так старалась, даже не пришли.

«Я ведь всё это делала для вас…» Ком подступил к горлу. «Почему вы опять меня не заметили?»

Она смотрела на счастливых детей рядом с родителями и не понимала, чем отличается от них. «Может, я недостаточно хорошая?» «Может, если бы сыграла ещё лучше, вы бы пришли?» Мысли путались одна за другой. «Я вообще вам нужна?» «Вы хотя бы вспомнили, что сегодня мой праздник?» «Вы помните, что у вас есть я?»

Детская обида, такая тяжёлая и непонятная, медленно

сжимала сердце. Казалось, она проникала в руки, в ноги, не давала свободно дышать. Где-то глубоко внутри, там, где ещё совсем недавно жила только надежда, рождалось новое чувство.

Горькое.

Тёмное.

Похожее на ненависть.

Но даже тогда Сашка пыталась найти оправдание взрослым. «Наверное, случилось что-то очень серьёзное. Что-то настолько важное, что иначе они просто не могли поступить.» Она цеплялась за эту мысль, как утопающий цепляется за соломинку.

Вечером дверь детского сада открылась. За ней стояла мама. Рядом крутились младшие брат и сестра, шумные, весёлые, словно день прошёл совершенно обычно. Будто ничего не произошло. Будто сегодня не было самого важного дня в жизни Сашки.

По дороге домой девочка долго молчала. Потом всё-таки тихо спросила:

— Мама… почему ты не пришла на утренник?

Валя едва заметно замедлила шаг. На секунду задумалась, словно пыталась вспомнить, о каком утреннике вообще идёт речь. И совершенно спокойно ответила:

— Некогда было.

Всего два слова.

Без сожаления.

Без объяснений.

Без обещания, что в следующий раз обязательно получится.

Сашка больше ничего не спросила. Она только почувствовала, как внутри окончательно погасла маленькая искра надежды, которую она так долго берегла.

Ей было всего шесть лет. Но именно в тот вечер она впервые по-настоящему задумалась: «Почему в моей семье для всех находится время… кроме меня?»

И этот вопрос ещё долго будет жить в ней, возвращаясь снова и снова, каждый раз, когда ей особенно сильно захочется быть любимой.

Роль матери и отца на формирование личности ребенка чрезвычайно важна. Именно от них во многом зависит то, каким вырастет их ребенок, на что будут устремлены его помыслы, какие ценности будут сформированы, как он будет ощущать себя в социуме.

Современная психология утверждает, что на ранних этапах развития ребенка доминирующее влияние на него в семье оказывает именно мать, а не отец.

Роль матери просто неоценима. Её влияние начинается с самых первых дней существования малыша еще в утробе. Именно тогда закладываются основы психики, и эмоции, которые переживала мать переживались и её будущим ребен-

ком. В подсознании закладывается формирование собственного отношения к своему окружению.

Материнская любовь, присутствие матери является для ребенка самым главным. От матери зависит и то, каким будет восприятие себя малышом.

Эмоциональная холодность матери к ребенку в раннем возрасте может негативно влиять на их будущие отношения, а также умение и возможность малыша устанавливать контакт с ровесниками. Все это в будущем может стать основой психологического неблагополучия ребенка.

---

3. Новое: дом, школа, … всё. «Чёрный человек»

1989 г.

Лето.

Этот день Сашка запомнила так отчётливо, словно время специально замедлилось, чтобы сохранить каждую мелочь.

Двор был самым обычным. Кто-то выбивал ковёр, у подъезда соседки обсуждали последние новости, мальчишки гоняли потрёпанный мяч. Сашка бегала вместе с другими детьми, пока случайно не взглянула в сторону металлического гаража, который принадлежал их семье.

Ворота были распахнуты настежь.

Обычно внутри царил привычный беспорядок: папины ключи, банки с гвоздями, автомобильные детали, канистры, какие-то непонятные железки, которые, по словам отца, «ещё пригодятся». Там же жил их самый большой семейный предмет гордости — почти новенький ВАЗ-2101. Для Сашки он казался настоящим чудом техники.

Но сегодня в гараже было что-то другое. Что-то большое. Светлое. Совсем не похожее ни на инструменты, ни на запчасти.

Любопытство тут же пересилило все остальные дела. Она бросилась к гаражу, едва не споткнувшись о выбоину в ас-

фальте.

Мама и папа стояли рядом с аккуратно сложенными деревянными щитами. Они переносили их осторожно, словно те были хрупкими, затем накрывали старыми одеялами и тряпками, защищая от пыли и случайных царапин.

Сашка остановилась рядом.

— Что это? — спросила она, разглядывая гладкие лакированные поверхности.

Мама улыбнулась так, как улыбалась редко — широко, светло, будто сама стала моложе.

— Это наш новый кухонный гарнитур.

В её голосе звучала настоящая гордость.

Сашка ещё раз посмотрела на деревянные шкафчики. Они были красивыми, совсем не такими, как старая мебель, к которой она привыкла. Но тут же в голове возник другой вопрос.

— А куда мы его поставим?

Она искренне не понимала. Их кухня была общей. Небольшая, тесная, где у каждой семьи был свой маленький уголок. Там едва помещались старые шкафчики и единственный на все семьи стол жильцов. Для такого гарнитура просто не существовало места.

Мама переглянулась с отцом, и её улыбка стала ещё счастливее.

— В наш новый дом.

Сашка растерянно моргнула.

— Новый… дом?

Эти два слова прозвучали так неожиданно, что она даже не сразу смогла осмыслить их смысл. «Дом? Разве бывает новый дом?» Ей казалось, что дом — это то место, где они живут сейчас. Старый двор, облупившиеся стены коммунальной квартиры, общий коридор, вечная толкучка на кухне, скрипучие половицы, знакомые соседи за тонкими перегородками. Всё это и было миром. Единственным. Постоянным.

Она никогда не задумывалась, что однажды можно просто взять… и переехать. Что где-то существует другой дом, в котором будет только их семья. Своя кухня. Свои комнаты. Свои двери, за которыми не живут чужие люди.

Сашка снова посмотрела на аккуратно сложенные деревянные шкафчики. Теперь они уже не казались просто мебелью. Они были кусочком будущего. Будущего, которого она ещё не могла представить, но которое впервые вдруг стало настоящим.

***

Переезд не заставил себя долго ждать. Уже в середине июля Сашка впервые переступила порог нового дома. Для кого-то это был обычный коттедж на двух хозяев, а для неё — целый новый мир.

Дом выделило государство по линии милиции — как многодетной семье. Вторую половину занимала семья пожарно-

го. Тогда такие дома считались большой удачей: собственное жильё, пусть и на две семьи, казалось настоящей роскошью.

Сашка осторожно вошла внутрь и замерла. Ей казалось, что она попала во дворец. Три настоящие комнаты. Не тесная квартирка, где каждый угол был на счету, а просторный дом. Отдельный туалет. Отдельная ванная. Собственная веранда, на которую можно было выйти утром босиком и наслаждаться солнечными лучами, проникающими через огромные стеклянные окна. А за домом — огромный участок земли, бесконечный, как ей тогда казалось. Для взрослого человека это были просто сотки. Для семилетней девочки — целая страна, где можно было придумывать приключения, строить шалаши и чувствовать себя свободной.

Взрослые сразу принялись обустраивать дом. Детям почему-то отвели самую маленькую комнату. Она быстро заполнилась знакомыми вещами, которые переехали вместе с ними, словно не желая отпускать прошлое.

В угол снова поставили тот самый старый шкаф. Его потёртые дверцы хранили больше воспоминаний, чем одежды. Именно возле него Сашка столько раз стояла в наказание, уткнувшись взглядом в деревянную поверхность и стараясь не плакать. Казалось, шкаф переехал вместе с их семьёй не только как мебель, но и как молчаливый свидетель её детских обид.

Рядом едва поместился маленький детский диванчик. У стены поставили знакомую двухъярусную кровать, а у ок-

на — старенький письменный стол с потёртой столешницей. Он выглядел совсем неприметно, но именно ему предстояло стать началом новой главы её жизни.

До первого сентября оставалось всего полтора месяца.

Совсем скоро Сашка должна была впервые надеть школьную форму, взять в руки портфель и переступить порог уже другой, неизвестной ей жизни. Дом был новым. Комната — новой. Но вместе с ними начиналась и новая история, в которой страх неизвестности незаметно переплетался с детским любопытством и надеждой.

Она ещё не знала, что этот маленький письменный стол станет местом её первых прописей, первых неровных букв, первых пятёрок и первых слёз над домашними заданиями. Не знала, что именно с этого лета детство начнёт постепенно уступать место чему-то большему — взрослению.

***

Лето пролетело так быстро, словно кто-то незаметно перелистнул последнюю страницу беззаботных каникул. За эти несколько месяцев Сашка успела привыкнуть к новому дому, изучить каждый двор, каждую тропинку и познакомиться почти со всей местной ребятнёй.

Больше всего времени она проводила с детьми из двух соседних семей. В одной жили Катька — серьёзная старшая сестра, и её неугомонные младшие братья Васька и Колька. В другой — два брата, Богдан и Вовка. Богдан оказался ро-

весником Сашки, и вскоре выяснилось, что первого сентября они вместе пойдут в первый «Б» класс.

***

Утро первого сентября началось ещё до рассвета. В доме пахло горячим утюгом, крахмалом и чем-то особенным — тем самым волнением, которое бывает только раз в жизни, когда впервые становишься школьником.

Мама тщательно разглаживала складки новой школьной формы, поправляла белоснежный воротничок и то и дело отходила на шаг, чтобы посмотреть, всё ли выглядит идеально.

Последними были банты. Огромные, белые, почти воздушные, они должны были украсить два длинных хвостика Сашки. Мама ловко затягивала ленты.

— Нормально держится? — спросила она, затягивая очередной узел.

— Ага… — сквозь зубы выдавила Сашка. Мама затягивала так старательно, что казалось, вместе с бантами крепила к голове сами волосы.

— Не дай бог в самый ответственный момент что-нибудь развяжется.

— Не развяжется. Точно будет держаться.

Мама удовлетворённо кивнула.

Сашка посмотрела на себя в зеркало. Белый фартук сиял чистотой, воротничок был идеально ровным, банты казались огромными облаками, а в глазах отражалось нетерпение. Се-

годня начиналась совсем другая жизнь.

***

Во дворе школы уже шумела огромная толпа. Учителя торопливо выстраивали классы, родители искали своих детей среди десятков одинаково нарядных первоклассников, звучала музыка, кто-то смеялся, кто-то украдкой вытирал слёзы.

Но Сашка почти ничего этого не замечала. Ей предстояло сделать то, о чём большинство ребят могли только мечтать. Именно её выбрали подать «Первый звонок».

Когда директор объявил об этом Сашка не испугалась ни капельки. Наоборот. Внутри разливалось тёплое, светлое чувство. Гордость. Это, именно то, чего всегда хотела Сашка — быть в центре внимания, чтобы её замечали, чтобы смотрели именно на неё. И сейчас казалось, будто весь этот огромный праздник существует только ради неё.

Она — главная героиня.

Высокий одиннадцатиклассник легко присел рядом.

— Готова? — улыбнулся он.

Сашка уверенно кивнула.

Парень без усилий поднял её и усадил себе на плечо. Мир мгновенно изменился. Ещё секунду назад вокруг были только спины взрослых и головы учеников. Теперь перед ней открылась вся школьная площадь. Ровные шеренги классов, разноцветные букеты, улыбающиеся родители, учителя

в праздничных нарядах, развевающиеся флаги.

Ей в руки вложили большой жёлтый колокольчик, перевязанный широкой белой лентой.

— Звони!

И Сашка зазвонила.

Колокольчик весело и звонко рассыпал серебристые переливы над школьным двором. Одиннадцатиклассник медленно шёл вдоль выстроившихся классов, а она всё звонила и звонила, смеясь от переполнявшей её радости.

— Ура-а-а! — прокатилось по толпе.

— Ура-а-а!

Кто-то махал рукой, кто-то хлопал, дети подпрыгивали, пытаясь получше рассмотреть маленькую девочку с огромными белыми бантами.

А Сашка смотрела сверху на этот живой, шумный, праздничный мир. И впервые в жизни ощущала странное, почти взрослое чувство.

ОНА БЫЛА ВИДИМОЙ

Не просто одной из сотен детей.

Не просто маленькой девочкой.

Сегодня все взгляды были обращены к ней.

И это мгновение — звонкое, солнечное, наполненное восторгом и детским счастьем — навсегда осталось в её памяти. Позже многое забудется: лица, слова, музыка, даже цвет осеннего неба. Но это чувство она будет помнить всегда.

Чувство, что хотя бы на несколько минут весь огромный мир увидел именно её.

***

Сашка, как и все дети, пошла в школу. Новый мир оказался шумным, ярким и полным открытий. Она быстро познакомилась с одноклассниками, со многими нашла общий язык. Сашке хотелось быть первой всегда и во всём и в школе тоже. Лидерство — это качество, поселившееся в ней ещё в раннем детстве с каждым годом становилось только сильнее.

Она первой вскидывала руку, когда учитель задавал вопрос. Первой вызывалась вытереть доску, раздать тетради, помочь оформить класс к празднику или решить очередную мелкую проблему, возникавшую среди ребят. Одноклассники относились к этому по-разному. Одни восхищались её смелостью и активностью, другие тихонько закатывали глаза, считая её любимицей учителей. Но Сашку чужое мнение почти не останавливало. Она привыкла доказывать себе и окружающим, что способна быть лучшей.

Анна Николаевна, её первая учительница, искренне радовалась такому усердию. Она часто хвалила Сашку и ставила её в пример другим детям. Для девочки это было важно. Каждая похвала согревала сердце и заставляла стараться ещё больше.

***

В тот день Анна Николаевна сразу заметила неладное.

Обычно живая, собранная и внимательная Сашка сидела за партой непривычно тихо. Под глазами залегли тёмные круги, взгляд был потухшим, а плечи словно придавило невидимым грузом.

— Кто первым пойдёт к доске? — привычно спросила учительница на уроке природоведения.

В классе воцарилась короткая пауза.

Анна Николаевна удивлённо посмотрела на Сашку. Обычно её рука взлетала вверх раньше, чем вопрос успевал прозвучать до конца. Сейчас девочка сидела, уткнувшись глазами в учебник, словно надеялась стать незаметной.

— Саша, к доске.

Девочка медленно поднялась. Ноги будто налились свинцом. Она медленно пошла между рядами парт, ощущая на себе взгляды одноклассников. Подойдя к доске, остановилась, опустила голову и крепко сжала пальцы.

— Рассказывай параграф, который был задан на дом.

В ответ — тишина.

— Саша, ты готова?

Она едва слышно прошептала:

— Нет…

Учительница нахмурилась.

— Садись. Двойка.

Это слово ударило больнее пощёчины.

Сашка вернулась за парту, не поднимая глаз. Ей казалось, что весь класс смотрит только на неё. Лицо горело от стыда,

а в груди всё болезненно сжалось. Она была готова провалиться сквозь землю.

Никто не знал, что происходило дома.

Прошлым вечером отец снова «отдыхал». Так в семье уже давно называли дни, когда он пил. Когда-то всё начиналось с редких застолий, но теперь алкоголь прочно вошёл в его жизнь. Запои длились неделями, а иногда и месяцами. В такие периоды он бесконечно просил у Вали денег «на бутылку», обещал, что это в последний раз, клялся остановиться. Валя уговаривала его одуматься, спорила, плакала, пыталась достучаться до мужа.

Очень быстро разговоры превращались в крики.

За тонкими стенами маленькой квартиры невозможно было спрятаться от чужой боли. Каждое громкое слово, каждая ссора впивались в душу ребёнка острыми иглами.

Как можно было делать уроки под нескончаемые крики?

Как запомнить параграф, если сердце вздрагивает от каждого удара кулаком по столу?

Как уснуть, когда за стеной снова выясняют отношения?

Ситуация, когда жена продолжает поддерживать мужа-алкоголика в ущерб детям, — это сложный психологический феномен, который специалисты называют ***СОЗАВИСИМОСТЬЮ****. В её основе лежит патологическая, разрушительная концентрация на проблемах другого человека*

в ущерб собственным потребностям и благополучию собственной семьи.

Почему возникает созависимость?

— Страх одиночества и потери. *Женщина может бояться остаться одна, не справиться с воспитанием детей в одиночку или потерять социальный статус.*

— Чувство долга и вина. *Часто в основе лежит убеждение, что «настоящая женщина» должна спасать мужчину, даже если это разрушает её собственную жизнь и жизнь детей.*

— Привычка и страх перемен. *Если в родительской семье были дисфункциональные отношения, женщина может не знать других моделей поведения и бояться неизвестности.*

— Потребность контролировать. *Созависимый человек пытается управлять жизнью другого, чтобы справиться с собственной тревогой и неуверенностью.*

— Неосознанная выгода. *Иногда женщину привлекает роль «спасателя», возможность чувствовать себя нужной и значимой.*

— Надежда на изменение. *Женщина искренне верит, что если она приложит достаточно усилий, то сможет «вытащить» мужа из зависимости.*

Как это отражается на детях?

Жертва матери на благо мужа-алкоголика наносит детям серьёзную ***ПСИХОЛОГИЧЕСКУЮ ТРАВМУ.*** *Дети*

растут в атмосфере нестабильности, страха и чувства вины.

Сашка сидела над открытым учебником до поздней ночи. Она по нескольку раз перечитывала одни и те же строки, но слова не складывались в смысл. Мысли путались, внимание рассыпалось. Она вздрагивала от каждого повышенного голоса родителей и снова теряла нить.

Заснула только глубоко за полночь.

Казалось, прошло всего несколько минут, когда мама тихо коснулась её плеча.

— Саша… Уже семь часов. Вставай, в школу пора.

Девочка натянула одеяло на голову.

— Вставай. Опоздаешь.

Из-под одеяла глухо донеслось:

— Я сегодня никуда не пойду.

— Почему?

— Потому что.

Валя устало вздохнула.

— Не выдумывай. Поднимайся.

— Я сказала, не пойду!

В голосе девочки зазвенели слёзы.

— Что это ещё за номер?

— Отстань! Не хочу! Не пойду!

Валя попыталась стянуть с неё одеяло, начала торопли-

во одевать дочь. Но Сашка вырывалась, извивалась, плакала навзрыд. Это была уже не детская капризная выходка. Накопившееся напряжение, бессонные ночи, постоянный страх и чувство беспомощности наконец прорвались наружу.

Она кричала не потому, что не хотела идти в школу. Она боялась. Боялась не ответить урок. Боялась разочаровать учительницу. Боялась увидеть сочувствие или насмешку в глазах одноклассников. Боялась снова почувствовать себя той самой обычной девочкой, которую не замечают.

Спустя несколько минут силы оставили её. Всхлипывая, Сашка медленно сползла с кровати и стала одеваться. Натягивала колготки, застёгивала пуговицы, утирала мокрые щёки рукавом. Она прекрасно понимала, что урок выучить не смогла. А спросят именно её. Ведь всегда спрашивают тех, от кого ждут большего.

Так и случилось в этот раз.

Школьный день тянулся бесконечно. Казалось, стрелки на старых настенных часах в классе нарочно замедлили ход, а звонок на последнем уроке никогда не прозвенит. Одноклассники то и дело поглядывали в окна, мечтая скорее оказаться на улице, а Сашка, наоборот, не торопила время. Чем позже закончится этот день, тем позже ей придётся переступить порог собственного дома.

Дом давно перестал быть для неё местом, куда хочется возвращаться.

Она заранее знала, что её ждёт. Отец, скорее всего, снова

будет пьян. Его тяжёлый взгляд, запах дешёвого алкоголя, сиплое, почти привычное:

— Дай денег…

Неважно, кому были адресованы эти слова — матери, соседям или даже собственной дочери. Ему всегда было нужно одно и то же: ещё одна бутылка.

Мама Валя встретит её усталым взглядом. Осунувшаяся, с потускневшими глазами и натруженными руками, она будет метаться между плитой, грязной посудой и двумя младшими детьми. Казалось, силы давно покинули её, но останавливаться она не имела права. Она жила так изо дня в день, словно несла на плечах непосильную ношу.

Сашка уже давно перестала ждать, что дома станет иначе.

Выйдя из школы, она даже не раздумывала, куда идти. Ноги сами свернули на знакомую улицу. К бабушке. Так было всегда, когда становилось особенно тяжело.

Квартира бабушки Шуры встречала её совсем иначе. Уже во дворе доносился запах печёных пирогов или свежего хлеба, на окнах белели аккуратные занавески, а во дворе всё казалось спокойным и размеренным. Здесь никто не кричал. Никто не хлопал дверями. Никто не требовал денег на выпивку. Здесь можно было просто выдохнуть.

Бабушка Шура была для Сашки гораздо большим, чем просто родственницей. Даже то, что они носили одно имя, казалось девочке каким-то особенным знаком. Бабушка умела слушать так, словно в мире не существовало ничего важ-

нее слов внучки. Она никогда не осуждала, не перебивала и не говорила привычное взрослое: «Потерпи». Вместо этого она гладила Сашку по голове, наливала горячий чай, ставила на стол что-нибудь вкусное и своим спокойствием словно собирала по кусочкам всё то, что разрушалось в душе ребёнка.

Рядом с ней Сашка чувствовала себя…

ЛЮБИМОЙ.
НАСТОЯЩЕЙ.
НУЖНОЙ.

Она часто вспоминала, что большую часть детства провела именно с ней, со своей бабушкой Шурой. Так сложилось само собой. Отец почти постоянно пропадал — то на работе, то в бесконечных запоях. А мама, оставшись одна с тремя детьми, просто не успевала разорваться. На её плечах были хозяйство, заботы, бессонные ночи и постоянная борьба за то, чтобы семья хоть как-то держалась на плаву.

Поэтому Сашка росла рядом с бабушкой.

А младшие — брат и сестра, родившиеся почти друг за другом, — оставались возле матери. Они были ещё совсем маленькими, требовали её внимания каждую минуту и невольно становились центром её мира. Сашка не винила маму за это. Она слишком рано научилась понимать взрослых. Но где-то глубоко внутри всё равно жила тихая детская обида. Ей тоже хотелось, чтобы её обняли просто так. Чтобы спросили, как прошёл день. Чтобы кто-нибудь заметил, как сильно она старается быть взрослой.

Наверное, именно поэтому дорога к бабушкиному дому каждый раз казалась ей дорогой к тому месту, где её всё ещё ждало детство.

— Бабуля, привет! — ещё с порога крикнула Сашка, захлопывая за собой дверь.

— Сашенька? Это ты? — донёсся тёплый голос из кухни.

— Я. Позвони, пожалуйста, маме, скажи, что я у тебя.

— Позвоню, конечно. А ты есть будешь?

— Конечно!

Не успела бабушка договорить, как Сашка уже скинула портфель у стены и проскользнула на кухню. На столе, прикрытые льняным полотенцем, лежали ещё тёплые пирожки. Она мгновенно схватила один и с наслаждением вдохнула запах свежего теста.

— Руки сначала помой, горемыка, — строго сказала бабушка Шура, хотя в уголках её губ уже пряталась улыбка.

Сашка виновато положила пирожок обратно и стрелой помчалась в ванную. Наскоро намылив руки, она тут же вернулась, схватила свой пирожок и откусила сразу большой кусок. тТёплое тесто, сладковатая начинка и знакомый с детства запах домашней выпечки словно растопили внутри всё напряжение, которое копилось с самого утра. Здесь, в маленькой кухне с кружевными занавесками, стареньким буфетом и тихо тикающими часами, мир снова становился понятным и безопасным. Будто за дверью не существовало ни криков, ни ругани, ни тяжёлого запаха перегара.

Бабушка молча поставила перед внучкой кружку горячего чая и присела напротив.

Некоторое время они сидели в тишине. Шура никогда не торопила разговор. Она знала: если ребёнок захочет — расскажет сам.

— Как дома? — наконец тихо спросила она.

Сашка пожала плечами, не поднимая глаз.

— Всё так же…

Этих двух слов оказалось достаточно. Бабушка тяжело вздохнула, опустила ладони на колени и покачала головой.

— Господи… Когда же это закончится? Весь в своего отца пошёл… Тот пил без просыху, и этот туда же. Будто сам забыл, каково ему было расти рядом с пьяным человеком.

В её голосе не было злости — только усталость и горечь.

Сашка молча ковыряла пальцем край пирожка. Эту историю она знала давно. Уже и не помнила, кто рассказал ей её впервые. Может быть, случайно услышала разговор взрослых. Может, сам отец однажды проговорился. А может, бабушка не выдержала и сказала вслух то, что годами старалась забыть.

Её отец, Павел, рос в семье, где пьянство было таким же привычным, как смена времён года. Дед пил жестоко. Когда в нём просыпалась водка, он переставал быть человеком. Любая мелочь могла вызвать вспышку ярости.

Однажды, после очередной попойки, он схватил маленького Пашку за ногу. Ребёнок ещё даже в школу не ходил.

Не разбирая, что делает, обезумевший от алкоголя мужчина распахнул форточку и швырнул сына наружу.

На счастье, это был первый этаж, а за окном лежали глубокие сугробы. Именно они помогли избежать мальчику серьёзных травм.

Бабушка Шура до сих пор не могла вспоминать тот день без содрогания. Тогда она поняла: ещё один такой приступ — и следующего раза может уже не быть. Она выставила мужа за дверь и больше никогда не позволила ему вернуться. С того дня для неё этот человек словно перестал существовать. Его имя старались не произносить вслух. О нём не спрашивали. Его не вспоминали. Если кто-то по незнанию заводил разговор о бывшем муже, бабушка мгновенно менялась в лице. Её взгляд становился холодным, а разговор обрывался так резко, будто кто-то захлопнул тяжёлую дверь.

Это было негласное правило семьи. Табу.

И всё же судьба сыграла с ней злую шутку. Она сумела уберечь сына от собственного отца, но так и не смогла уберечь его от той же самой беды. Иногда ей казалось, что алкоголь передаётся по наследству вместе с фамилией. Словно невидимое проклятие, которое из поколения в поколение разрушало одну и ту же семью.

Папа Сашки уходил в запои так же неизбежно, как осенью приходят затяжные дожди. Только эти «дожди» длились не неделю и не две — иногда месяц, а то и два. В такие дни дом переставал быть домом. Он превращался в место ожидания

очередной беды.

Когда заканчивалась водка, отец не особенно разбирался, что налито во флаконе. Одеколон, лосьон, аптечные настойки — всё, что содержало хоть намёк на спирт, становилось добычей его болезни. Поэтому мама Валя подписывала каждый пузырёк крупными буквами: «УКСУС», «ЙОД», «НАШАТЫРЬ». Она надеялась, что хотя бы надпись остановит его в тот момент, когда разум окончательно уступал место отчаянному желанию выпить.

Пока отец пил, вся жизнь семьи вращалась вокруг него. Мама и бабушка пробовали всё, во что только могли поверить. Уговаривали, плакали, стыдили, грозили увольнением. Кто-то советовал заговоры «на бутылку», кто-то — новые способы лечения. Иногда они пытались воздействовать через детей, надеясь, что любовь к ним окажется сильнее зависимости.

Не оказывалась.

Алкоголь всегда побеждал.

Самыми страшными были дни, когда пить уже было нечего. Тогда вместо пьяного отца появлялся другой человек — измученный, дрожащий, почти не способный говорить. Похмелье превращалось в пытку. Казалось, сама жизнь покидала его тело.

Однажды он рухнул на пол. Тело выгнулось в судорогах, руки и ноги беспорядочно били по полу, лицо стремительно синело. Язык западал в горло, перекрывая дыхание.

— Ложку! Быстро! Несите ложку! — отчаянный крик матери прорезал весь дом.

Саша помнит этот голос до сих пор.

Она бросалась на кухню, хватала первую попавшуюся столовую ложку и бежала обратно, едва не падая от страха. Сердце колотилось так сильно, что казалось, его слышно всем.

Мама, собрав остатки сил, с невероятным усилием разжимала мужу сведённые судорогой челюсти. Металл звенел о зубы. Затем она просовывала ложку глубже, прижимая язык, чтобы открыть путь воздуху.

И отец снова начинал дышать.

Раз за разом она возвращала его к жизни.

Каждый такой приступ казался последним. Каждый раз она думала, что теперь-то всё изменится. Что, оказавшись на краю смерти, он испугается, остановится, выберет семью. Но болезнь была сильнее страха смерти.

Мама Валя искренне верила, что детям нужен отец. Любой. Пусть слабый, зависимый, непредсказуемый — но отец. Ради этой веры она снова и снова спасала его, терпела, надеялась, прощала. Она не понимала, что вместе с ним спасает и саму болезнь, позволяя ей снова возвращаться в их дом. И не замечала, как трое детей каждый день учатся жить в постоянном страхе. Как для них крики становятся привычнее тишины, а ожидание беды — естественным состоянием. Они ещё не знали слов «психологическая травма», «созависимость»,

«детство в семье алкоголика». Они просто росли, запоминая запах перегара и табачного дыма, звук материнского крика и холодный блеск той самой ложки, которая много раз становилась границей между жизнью и смертью.

ПОЧЕМУ ЖЕНЩИНА ТЕРПИТ МУЖА АЛКОГОЛИКА?

Созависимость. *Женщина берёт на себя огромную часть ответственности: за настроение мужа, за то, чтобы он не пил, за его проблемы, за последствия его поступков. Она пытается «спасти» его, контролировать, решать за него, и из-за этого теряет собственные границы, перестаёт заботиться о себе. В какой-то момент это перерастает в замкнутый круг: чем больше она «спасает», тем сильнее у мужа стимул продолжать пить, потому что он видит: партнёр не отстраняется.*

Страх одиночества. *Мысль о том, что придётся остаться одной, может быть невыносимой. Иногда женщина цепляется за отношения не из-за любви к конкретному человеку, а из-за страха потерять социальную опору, статус, привычный уклад.*

Надежда на изменение. *Часто в голове живёт убеждение: «Вот он наконец осознает проблему, вот он пройдёт*

лечение — и всё станет хорошо».

Чувство вины и самообвинение. *Женщине может казаться, что она сама «довела» мужа, что если бы она была мудрее, красивее, мягче — он бы не пил.*

Материальные и бытовые барьеры. *Женщина боится рискнуть и начать новую жизнь. Иногда кажется, что одной с детьми не выжить, не прокормить их.*

Влияние воспитания и социальных установок. *Иногда в семье уже был пример пьющего родственника (отца, деда), и женщина с детства усваивает, что так бывает и «так надо». С детства внушаются идеи о том, что женщина должна быть терпеливой, мягкой, «сохранять семью».*

Роль «спасателя». *Иногда женщине нравится роль «героини», которая спасает другого человека. В такой динамике ей может быть комфортно, и она неосознанно цепляется за эту роль.*

***

С этого же учебного года в жизни Сашки появилось ещё одно важное событие — она стала ученицей музыкальной школы. Правда, музыка тогда совсем не была её мечтой.

Всем сердцем она хотела танцевать. Ей представлялась сцена, яркий свет софитов, громкие аплодисменты и десятки восхищённых взглядов, обращённых только на неё.

Но в небольшом посёлке, где жила Сашка, не существовало ни одной студии современных танцев. Единственным вариантом оказался хореографический класс музыкальной школы. «Это ведь тоже танцы», — рассуждала она. А если когда-нибудь появится возможность заниматься тем, о чём она действительно мечтает, переучиться будет совсем не сложно.

Однако реальность оказалась совсем иной. Два года занятий давались ей тяжело. С каждым месяцем Сашка всё яснее понимала, что ошиблась с выбором. Она не чувствовала радости от уроков, не испытывала того восторга, который должен был приносить любимый предмет.

Наконец она решилась поговорить с родителями. Долго уговаривала их перевести её на класс фортепиано. Неожиданно для самой себя она почувствовала, что именно этот инструмент вызывает у неё искренний интерес. Родители согласились.

Но почти сразу возникла новая проблема. Чтобы заниматься дома, нужен был инструмент. В те годы купить пианино или хотя бы небольшой синтезатор было непросто. Такие вещи были настоящей редкостью, и далеко не каждая семья могла позволить себе подобную покупку.

Как-то, вернувшись после школы, Сашка привычно рас-

пахнула дверь комнаты и замерла на пороге. У окна стояло новенькое фортепиано — чёрное, оно ярко блестело от слоя новенького лака.

Она несколько секунд просто смотрела на него, не веря своим глазам. Сердце застучало быстрее. Казалось, если моргнуть, инструмент исчезнет. Осторожно подойдя ближе, она провела ладонью по гладкой лакированной поверхности, будто проверяя, не сон ли это.

— Откуда оно? — наконец выдохнула Сашка, обернувшись к маме.

— Это подарок от бабы Люды, — с улыбкой ответила мама.

— А где она?

— Она сейчас работает далеко, в другом городе. Пока не может приехать.

Баба Люда была второй Сашкиной бабушкой — маминой мамой. Именно у неё много лет назад рано умер муж, отец мамы Вали.

Сашка почти не помнила бабу Люду. В памяти всплывали лишь редкие открытки и телеграммы, которые время от времени попадались ей среди аккуратно перевязанных стопок поздравлений, бережно хранившихся у другой бабушки — Шуры. Каждая такая открытка была маленьким напоминанием о человеке, который находился далеко, но всё это время продолжал незримо присутствовать в их жизни.

Несмотря на расстояние, баба Люда сумела исполнить

мечту внучки и подарить ей не просто музыкальный инструмент, а возможность начать новую главу своей жизни.

Однако и эта новая глава оказалась недолгой.

Проучившись на фортепианном отделении всего год, Сашка вдруг с удивительной ясностью поняла: музыка — не её путь. Она честно старалась. Разбирала пьесы, учила гаммы, пыталась запомнить бесконечные ноты, октавы, аккорды. Терпеливо ходила на сольфеджио, пела в хоре, выполняла задания преподавателей. Но с каждым днём всё сильнее ощущала, что делает это через силу. Музыка не оживала в её душе. Она оставалась лишь обязательством. И это открытие пугало её гораздо больше, чем сами уроки.

Как сказать родителям, что она снова ошиблась? Совсем недавно они согласились перевести её в класс фортепиано, а дома теперь стоял инструмент, подаренный бабой Людой. Не просто дорогая вещь — знак любви человека, который, несмотря на расстояние, хотел поддержать внучку.

Сашке казалось, что отказаться от музыкальной школы — значит предать этот подарок. Поэтому она молчала. Каждое утро убеждала себя, что нужно потерпеть ещё немного. Что, может быть, завтра всё изменится. Что однажды ей обязательно понравится.

Но завтра не наступало.

Следующий учебный год стал для неё настоящим испытанием. Нежелание заниматься росло с каждым уроком. Она всё чаще открывала ноты без всякого интереса, откладывала

домашние задания, искала причины не садиться за инструмент. Перед занятиями начинала нервничать, а после них чувствовала только усталость и вину.

Учителя были недовольны. Они видели ленивую ученицу, которая перестала заниматься. Никто не замечал девочку, запутавшуюся в собственных чувствах и боявшуюся признаться, что выбрала не свою дорогу.

Лишь в конце учебного года Сашка наконец собралась с силами. Разговор с родителями оказался совсем не таким, каким она рисовала его в своём воображении. Не было ни криков, ни упрёков, ни громких слов. Её выслушали спокойно.

Только тогда Сашка поняла, что больше всего боялась не родительского гнева, а собственного чувства вины. Казалось, теперь всё осталось позади. Но впереди её ждало ещё одно разочарование.

Когда пришло время оформлять документы об отчислении, директор музыкальной школы выдал характеристику. Сашка взяла листок в руки и не сразу поверила написанному.

В нескольких сухих строчках она увидела совсем другого человека — безответственного, незаинтересованного, недисциплинированного, «со сложным характером». Будто за этими словами не существовало её переживаний, сомнений, страха признаться взрослым, что выбранный путь оказался ошибкой.

Она долго смотрела на этот лист.

Как можно несколькими официальными фразами поставить клеймо на ребёнке? На человеке, который только начинает искать своё место в жизни. У которого ещё нет жизненного опыта, нет уверенности в себе, но есть огромное желание однажды найти дело, которое станет по-настоящему любимым.

Тогда Сашка впервые задумалась о том, как легко взрослые могут ранить детскую душу. Иногда не криком и не наказанием, а всего лишь несколькими словами, напечатанными на обычном листе бумаги.

***

Жизнь шла своим чередом. Несмотря на постоянное напряжение дома, Сашка изо всех сил старалась жить так, как живут все дети: учиться, смеяться с друзьями, спорить на переменах и радоваться маленьким победам. Школьная жизнь была её тихой гаванью, где семейные тревоги ненадолго отступали.

Наступила зима.

Морозная, звонкая, с искрящимся на солнце снегом. В тот день небо было таким чистым, что казалось бесконечным. Ветра не было совсем, и солнце хоть и не грело, но делало мир удивительно светлым.

— Сегодня физкультура на улице! — объявил учитель.

Класс радостно загудел.

В те годы никто не видел ничего необычного в том, что-

бы вместо привычной разминки отправиться на настоящую лыжную прогулку. За школой раскинулось большое болото. Летом оно казалось мрачным и непроходимым, а зимой превращалось в огромную снежную равнину. Лёд давно окреп, местные жители проложили широкую лыжню, уходившую большим кольцом внутри камышей.

Ребята с восторгом хватали лыжи.

— Чур я первая! — по привычке выкрикнула Сашка.

— Ну конечно, как всегда! — засмеялся кто-то из мальчишек.

Она только пожала плечами.

— Если ещё кто-то хочет вести лыжню — пожалуйста.

— Да ладно, иди уже вперёд, раз так хочется, — донёсся знакомый голос.

Сашка сразу узнала Богдана — соседа по дому и своего лучшего школьного друга.

— Богдан, хочешь — иди первым. Я не против.

— Хочу.

— Тогда договорились. Я за тобой.

Но тут вмешался Антон:

— Может, я тоже хочу первым!

Несколько ребят заговорили одновременно.

— Так, хватит! — громко сказал учитель физкультуры. — Раз сами договориться не можете, идём как на построении. Сначала мальчики — по росту. Потом девочки — тоже по росту.

— Ка-а-ак?! Это нечестно! Я хочу быть первая! — вырвалось у Сашки.

Для неё это действительно было обидно. В свои семь лет она была самой низкой девочкой в классе — так распорядилась природа. А значит, первой на лыжне ей сегодня не быть.

Насупившись, Сашка молча схватила лыжи и поплелась вслед за классом к болоту.

Один за другим ребята выходили на лыжню. Сначала мальчики, потом девочки. Когда последняя спина скрылась впереди, Сашка только оттолкнулась палками.

Настроение было испорчено окончательно. Она не торопилась. Лыжи мягко шуршали по утоптанному снегу, палки размеренно втыкались в белую гладь. Вокруг стояла удивительная зимняя тишина. Лишь где-то впереди доносились приглушённые голоса одноклассников. С каждым десятком метров они звучали всё тише. Очень скоро Сашка осталась одна.

По правую сторону от лыжни тянулись высокие, пожелтевшие камыши. Они торчали из снега, словно бесконечный сухой лес. Между стеблями лежали голубоватые тени, и от этого болото казалось ещё более пустынным.

Сашка машинально посмотрела в сторону камышей. Сначала ей показалось, что один из кустов просто темнее остальных. Потом тёмное пятно обрело очертания.

ЧЕЛОВЕК.

Высокий, грузный мужчина стоял неподвижно среди ка-

мышей, словно вырос изо льда. На нём был длинный чёрный тулуп, почти до самых сапог, огромная меховая шапка и толстые ватные штаны. Он не двигался. Совсем. Даже не поворачивал головы. Он просто стоял и смотрел.

Сашка застыла.

На мгновение её взгляд невольно задержался на его той части тела, которой многие мужчины привыкли мерить собственную силу и самоутверждаться. Он нисколько не пытался прикрыться, словно подобная откровенность была для него чем-то совершенно естественным, не требующим ни стыда, ни объяснений. Она тут же отвела глаза, но увиденное уже отпечаталось в памяти. Не столько сам» мужской орган» смутил её, сколько безразличие этого мужчины к происходящему.

Эксгибиционисты — это люди, которые получают сексуальное удовлетворение путём демонстрации своих половых органов, как правило, незнакомым людям, чаще всего в общественных местах. Само слово происходит от латинского exhibeo — «выставлять, показывать».

Главная цель — вызвать яркую эмоциональную реакцию у «зрителя»: шок, удивление, испуг или интерес. Физический контакт при этом обычно не предполагается.

Такое поведение сопровождается проблемами: тревожными расстройствами, депрессией, трудностями в установлении близких отношений. В основе могут лежать раз-

ные факторы: детские психотравмы, нарушения психосексуального развития, органические поражения мозга, социальные или культурные предпосылки.

Сердце Сашки словно пропустило удар.

В голове мелькнула одна-единственная мысль: «Почему он здесь?»

Мужчина не шевелился. От этого становилось ещё страшнее. Казалось, он ждал именно её.

В следующую секунду из груди девочки сам собой вырвался пронзительный крик.

— А-а-а!

Она резко оттолкнулась палками и понеслась по лыжне.

Лыжи скользили так быстро, как никогда раньше. Она не смела оглянуться. Казалось, стоит только повернуть голову — и увидит, что мужчина уже идёт за ней. Сердце бешено колотилось. Дыхание сбилось. Холодный воздух обжигал лёгкие. Слёзы сами катились по щекам, мгновенно замерзая на ресницах крошечными льдинками. Перед глазами всё расплывалось, но Сашка продолжала нестись вперёд.

Быстрее.

Ещё быстрее.

Лишь бы добраться до своих.

Наконец впереди показались разноцветные куртки одноклассников. Не снижая скорости, Сашка буквально влетела

в группу ребят и, тяжело дыша, едва удержалась на ногах.

— Что случилось? — встревожено спросил учитель.

Она попыталась ответить, но слова застревали в горле.

— Там… там… — всхлипывала Сашка, показывая дрожащей рукой назад. — Мужик… какой-то…

Учитель нахмурился.

— Какой мужик?

Сашка только мотала головой. Она и сама не могла объяснить, что именно её так испугало. Не человек. Не одежда.

А то, как он стоял.

Неподвижно.

Молча.

Словно уже давно ждал, когда по этой лыжне проедет именно она..

***

Учитель физкультуры вызвал её первой. Потом был классный руководитель. Затем — завуч. Каждый задавал почти одни и те же вопросы, словно надеялся услышать другой ответ.

— Что именно ты увидела?

— Где он стоял?

— Ты уверена, что это был человек?

— Может, тебе просто показалось?

С каждым новым разговором Сашке становилось всё тяжелее. Она отвечала тихо, запинаясь, но стоило закрыть гла-

за — перед ней снова возникал тот самый «чёрный» мужик. Не лицо, не одежда, а именно тёмный силуэт, неподвижный и чужой. От одного воспоминания по спине пробегал холодок.

Она не хотела возвращаться к тому моменту. Хотела забыть его, вычеркнуть из памяти, сделать вид, что ничего не произошло. Но взрослые снова и снова заставляли её переживать всё заново. Каждый вопрос будто открывал дверь в тот день, и страх возвращался с прежней силой.

К счастью, эта суматоха длилась недолго.

Через несколько дней разговоры прекратились так же внезапно, как и начались. Никто больше не приглашал её в кабинет, никто ничего не выяснял. История словно растворилась сама собой.

Сашке объяснили, что она, вероятно, переволновалась. Что воображение иногда рисует то, чего на самом деле нет.

— Такое бывает, — спокойно сказала завуч. — Не накручивай себя.

Сашка молча кивнула. Спорить со взрослыми она не решилась. Но внутри всё протестовало. Она слишком хорошо помнила, что видела. Ещё больше её удивило другое. Когда начали опрашивать девочек из класса, каждая из них уверенно повторяла одно и то же:

— Нет, мы ничего не заметили.

— Ничего необычного не было.

— Мы вообще не понимаем, о чём речь.

Будто заранее договорились. Однако стоило учителям уйти, как в раздевалке, в коридорах и на переменах начинался совсем другой разговор. Шёпотом, постоянно оглядываясь по сторонам, девчонки обсуждали увиденное между собой.

— Я тоже его заметила…

— И мне стало страшно…

— Только не говорите никому…

Некоторые признавались почти одними губами, что видели тот самый тёмный силуэт. Другие лишь молча кивали, не решаясь произнести это вслух. По этим осторожным переглядываниям Сашка поняла: она была не одна. Как минимум половина класса видела то же самое. «Почему же они молчали?»

Кто-то боялся, что над ним будут смеяться. Кто-то не хотел, чтобы родители узнали. А кому-то просто было слишком стыдно рассказывать взрослым о том, что казалось невозможным объяснить.

Так история и закончилась. Вернее, закончилась для всех остальных. Для школы это стало очередным странным случаем, о котором быстро забыли. Для взрослых — детской фантазией, не заслуживающей внимания. А для Сашки тот «чёрный» человек так и остался в памяти — чётким, пугающим воспоминанием, которое невозможно было убедить себя считать выдумкой.

4. Герда в городе. Путь в неизвестность

Осень.

В тот день Сашкиным родителям, что случалось нечасто, удалось выбраться всей семьёй в гости к родственникам — в большой город, до которого на машине было около полутора часов езды. Сашке тогда исполнилось десять.

Для Сашки эта поездка с самого начала казалась почти маленьким путешествием. Дорога, мелькающие за окном деревни, редкие машины, заправки, незнакомые дома — всё это ненадолго вырывало её из привычного мира, где каждый день был похож на предыдущий.

Но по-настоящему удивилась она, когда вошла в квартиру. Она остановилась прямо в прихожей и несколько секунд молча смотрела по сторонам. Квартира была огромной. Четыре комнаты! Сашка даже не сразу поверила, что такое бывает в обычном многоквартирнике. В её представлении столько комнат могло быть разве что в большом частном доме — где-нибудь с верандой, лестницей и садом. А тут — подъезд, этаж, обычная дверь, а за ней целый огромный мир. Ей хотелось всё рассмотреть, заглянуть в каждую комнату, понять, как можно жить в таком пространстве и не потеряться в нём.

Но главным открытием оказалась вовсе не квартира. В ней жила Герда. Настоящая немецкая овчарка — большая, сильная, красивая. Сашка сначала даже немного оробела, когда увидела её. Собака казалась ей почти огромной, особенно по сравнению с ней самой.

Но страх быстро прошёл. Герда оказалась дружелюбной. Она принимала Сашку спокойно, будто сразу решила, что девочка — своя. Подходила, нюхала её ладони, виляла хвостом, иногда устраивалась неподалёку и следила за происходящим своими внимательными глазами.

За несколько дней Сашка привыкла к ней настолько, что уже не представляла этот дом без Герды.

Ещё больше она привязалась к младшей дочке родственников — девочке, которую тоже звали Соней. Совпадение казалось им забавным: Соня — как Сашкина младшая сестра. Они быстро сдружились. Вместе играли, что-то мастерили, придумывали свои занятия, о которых взрослые могли даже не знать. Им было хорошо вдвоём.

И когда настало время уезжать, Сашка неожиданно для самой себя попросилась остаться ещё на несколько дней. Ей очень не хотелось возвращаться. Дома её ждала привычная жизнь. В Сашкиной голове снова крутились картинки её обычной жизни — мама Валя, почти всё время занятая младшими детьми и баба Шура — маленькая отдушина чувств, которая понимала, чего так Сашке не хватало дома: что она тоже ребёнок, что о ней можно спросить, накормить,

пожалеть, посадить рядом, выслушать.

Наверное, поэтому в гостях ей было особенно хорошо.

Здесь её замечали.

Здесь у неё была Соня.

Здесь была Герда.

Здесь было ощущение, что она кому-то нужна просто потому, что она — Сашка.

Родители не стали возражать против её просьбы. Тем более в школе начались осенние каникулы.

Так прошло ещё несколько дней.

А потом наступил день, когда дома у Сашкиной семьи должен был быть двойной праздник — день рождения мамы Вали и младшей сестрёнки Соньки.

Кроме того, каникулы подходили к концу. Через несколько дней уже нужно было возвращаться в школу. Сашка стала собираться домой. Она ещё не знала, что и этот день останется в её памяти на всю жизнь.

Как именно изначально предполагалось отправлять её домой, Сашка потом уже не помнила. Сто километров — не расстояние для взрослого, но для неё оно казалось огромным. В тот день решили, что домой она поедет на электричке. Проводить её взялся Митя — Сонькин старший брат, мальчишка лет четырнадцати-пятнадцати. Сам ещё почти ребёнок, но в тот момент Сашке казалось, что он уже большой.

Она собиралась в коридоре. Села на корточки, чтобы за-

стегнуть ботинки. Всё было привычно и спокойно. Подошла Герда. Сашка подняла глаза. Собака стояла совсем рядом и дружелюбно виляла хвостом. Сашка даже, кажется, успела улыбнуться. За эти дни они хорошо подружились. Герда была для неё уже почти своей. Сашка не ждала от неё ничего плохого. Напротив — ей казалось, что собака пришла попрощаться.

И вдруг всё произошло.

Мгновенно.

Герда открыла огромную пасть и бросилась к её лицу. Сашка даже не успела понять, что происходит. Перед глазами мелькнула собачья морда. Она почувствовала резкое движение, давление, ужас. Её маленькое лицо оказалось буквально между огромными челюстями. На какую-то долю секунды Сашке показалось, что сейчас случится что-то страшное. Настолько страшное, что она не могла даже представить словами.

Она не успела закричать. Не успела закрыться руками. Не успела подумать, почему Герда, которая ещё секунду назад была её доброй знакомой, вдруг сделала это. Но Митя среагировал мгновенно. Он рванулся к ним и оттащил собаку.

Всё закончилось почти так же быстро, как началось. Только Сашка уже не чувствовала себя прежней. На лбу и подбородке выступила кровь. Царапины оказались неглубокими, но тонкие красные струйки медленно стекали по коже. Сашка смотрела на них и не понимала. Кровь. У неё на лице. Ещё

совсем недавно она собиралась ехать домой, думала о маме, о празднике, о Соньке, о школе. А теперь стояла посреди коридора и чувствовала, как внутри всё дрожит.

Ей было страшно.

Не просто больно — страшно.

Страшно оттого, насколько близко оказалось что-то ужасное. Она ведь даже не успела испугаться. Страх пришёл потом. Когда всё уже закончилось.

Витя быстро принёс два носовых платка. Один Сашка прижала ко лбу, другой — к подбородку. Она держала их обеими руками. Сначала ей казалось, что сейчас кровь остановится и всё будет хорошо. Но пальцы дрожали. Она старалась не смотреть на платочки. Не хотела знать, насколько сильно они испачкались. Ей хотелось домой. Тогда очень хотелось домой. Хотелось к маме. Хотелось, чтобы мама увидела её, пожалела, прижала к себе и сказала, что теперь всё хорошо.

Но одновременно Сашке было почему-то неловко. Будто она сама была виновата в случившемся. Будто нельзя было подпускать Герду так близко. Будто она должна была знать, что так может произойти.

Она молчала. Витя торопливо объяснял что-то взрослым, а Сашка почти не слышала его слов. В голове стояла одна-единственная мысль. «А если бы Витя не успел?» Она тут же прогнала её. Нет. Не надо об этом думать. Не надо. Она крепче прижала платочки к лицу.

Вскоре они вышли из дома и направились к остановке. Сашка шла рядом с Митей, всё ещё прижимая ладони к лицу. Ей было неловко идти вот так по улице. Казалось, что все смотрят на неё. Что каждый прохожий видит кровь, знает, что произошло, и сейчас начнёт спрашивать.

Она опустила глаза. Хотелось стать незаметной. Маленькой. Исчезнуть.

До железнодорожного вокзала им предстояло добираться почти час на стареньком автобусе. Сашка села и осторожно прислонилась к спинке. Руки она не убирала. Один платочек был прижат ко лбу, второй — к подбородку. Постепенно пальцы начали затекать. Сначала немного. Потом сильнее. Ныло запястье, немели пальцы, плечи становились тяжёлыми. Но Сашка терпела. Она боялась убрать руки. Вдруг кровь снова пойдёт? Вдруг все увидят?

Автобус трясло на неровной дороге. За окном проплывали дома, деревья, остановки. Люди входили и выходили, разговаривали между собой, смотрели в окна. А Сашка сидела тихо-тихо. Она чувствовала себя совершенно одинокой. Хотя рядом был Митя. Хотя вокруг находились люди. Она всё равно была одна со своим страхом. Иногда она осторожно шевелила пальцами, пытаясь вернуть им чувствительность, и снова прижимала платочки к лицу.

Время тянулось мучительно долго. Час назад она была в доме, где ей было хорошо. Где была Соня. Где была Герда. Где её ждали игры, разговоры, маленькие поделки и ощуще-

ние тепла. А теперь тот же самый дом вдруг казался ей совсем другим.

Она больше не могла представить, как ещё недавно спокойно гладила Герду. И от этой мысли становилось особенно страшно. Сашка закрыла глаза. «Только бы доехать». Она думала о доме. О маме Вале. О Соньке. О предстоящем празднике. И почему-то больше всего ей хотелось одного — чтобы мама, увидев её, просто обняла. Чтобы не задавала много вопросов. Чтобы не ругала. Чтобы не говорила, что всё уже прошло. Чтобы просто посмотрела на неё и поняла, как ей страшно.

Сашка прижала платочки ещё крепче. И стала ждать вокзала.

На вокзале Витя почему-то даже не пошёл к кассам. Сашка сначала решила, что он просто торопится. Может быть, электричка уже скоро отправится, а им ещё нужно найти нужную платформу. Но Витя только махнул рукой и сказал:

— Зайцем проедешь. Ты маленькая ещё, ничего тебе не сделают.

Сашка посмотрела на него. Она не знала, что ответить. «Что значит — „зайцем“?» «Почему ничего не сделают?» «А если сделают?» Она вообще не понимала, что происходит, но спорить не стала. Митя был старше. Намного старше — по крайней мере, так ей казалось. «Если он говорит, значит, наверное, знает». «Он взрослее». «Он понимает».

Эти мысли показались Сашке достаточно убедительны-

ми, чтобы успокоиться. Она снова прижала платочки к лицу. Лоб уже почти не болел, но кожа неприятно щипала. От долгого напряжения затекли руки. Хотелось опустить их хотя бы на минуту, но Сашка боялась.

Витя тем временем огляделся и вдруг направился к первой электричке, стоявшей у платформы.

— Вот, садись сюда.

Сашка послушно пошла за ним. Она даже не успела спросить, точно ли это её поезд. Витя открыл дверь первого вагона.

— Пока!

И почти сразу убежал.

— Витя…

Сашка не договорила. Она осталась одна. Посреди огромного вокзала. В огромном железном составе и с незнакомыми людьми вокруг.

Несколько секунд Сашка просто стояла на входе в вагон, не понимая, что делать дальше. Ей хотелось побежать следом за Митей. Сказать, что она боится ехать одна. Но Вити уже не было видно.

Первый вагон оказался почти пустым. Сашка выбрала место у окна и устроилась на большой деревянной лавке. За стеклом медленно двигалась платформа. Она всё ещё держала оба платочка у лица, хотя руки уже почти не слушались. В голове было тяжело. Слишком много всего произошло за один день.

Собака.

Кровь.

Страх.

Автобус.

Вокзал.

Теперь эта электричка.

Сашка прислонилась головой к холодному оконному стеклу. Электричка тронулась. Платформа поплыла назад. Сначала медленно, потом всё быстрее.

Сашка смотрела в окно, но глаза сами собой закрывались. Наверное, сказалась усталость. И пережитый страх. И напряжение последних часов. Она сама не заметила, как провалилась в неглубокий сон.

— Девочка…

Сашка не сразу поняла, что обращаются к ней.

— Девочка, билет предъяви.

Она вздрогнула и открыла глаза. Перед ней стояла женщина-контролёр. Сашка сонно посмотрела на неё. Несколько секунд она вообще не могла вспомнить, где находится. Потом вспомнила. Электричка. Дом. Надо ехать домой.

Контролёр протянула руку.

— Билет.

Сашка замерла. Она посмотрела на руку женщины, потом на её лицо. И вдруг поняла. Билета у неё нет.

— У меня нет, — тихо пробормотала она.

Женщина нахмурилась.

— Как это — нет?

Сашка пожала плечами.

— Не купили.

— Едешь-то куда?

Сашка немного оживилась. Это она знала.

— На станцию Посольская.

Контролёр посмотрела на неё уже внимательнее.

— Посольская?

Сашка кивнула.

— Так это в другой стороне.

Внутри у Сашки всё оборвалось. «В другой стороне?» Она почувствовала, как к горлу подступает паника. «Значит, я села не на тот поезд?» «Я не еду домой?» «И Витя ушёл». «Совсем ушёл».

Сашке вдруг стало очень страшно. До этого она почему-то верила, что всё как-нибудь само устроится. Ведь Митя сказал, что всё нормально. Но теперь его рядом не было. А взрослый человек перед ней говорил, что она едет не туда.

— Так, пошли, — сказала контролёр.

Сашка поднялась.

— Куда? — спросила она испуганно.

— Отведу тебя к машинистам. Доедешь с ними до конечной и потом обратно в город. Там в отделении милиции разберутся, что с тобой делать.

Сашка почувствовала, как внутри всё похолодело. «В милицию?» Это слово было страшным.

Милиция существовала в её детском представлении где-то рядом с преступниками, тюрьмой и решётками. И если тебя ведут в милицию, значит, ты сделал что-то очень плохое. А она ведь даже не знала, что сделала. Она просто ехала домой. Без билета. «Но вдруг за это сажают?» Сашка представила решётку. Тёмную комнату. Закрытую дверь. И себя — одну. Ей стало так страшно, что захотелось заплакать. Но она не заплакала. Только крепче прижала платочки к лицу.

Контролёр повела её по вагону. Сашка шла следом, опустив голову. Каждый шаг казался ей шагом навстречу чему-то ужасному. «Может быть, надо было не садиться?» «Может быть, надо было бежать за Митей?» «Почему я его послушалась?» Но теперь было поздно.

Они остановились у кабины машинистов. Контролёр открыла дверь и завела Сашку внутрь. И в этот момент произошло странное. Страх исчез. Не постепенно. Не потому, что кто-то её успокоил. Он просто исчез.

Сашка замерла на пороге. Перед ней открылся совершенно другой мир. Кабина была огромной. Повсюду приборы, переключатели, рычаги, лампочки, какие-то непонятные панели. Перед глазами — громадные окна, почти во всю ширину кабины. За ними стремительно неслась осенняя дорога. Рельсы уходили вперёд двумя ровными линиями, а по сторонам мелькали деревья, поля, кусты, редкие дома. Электричка мчалась сквозь осенний простор, и весь мир будто двигался навстречу им.

Сашка забыла и про билет. И про милицию. И про Митю. И даже про свои царапины. Она смотрела во все глаза.

— Садись сюда, — сказал один из машинистов.

Он откинул слева от себя небольшой столик. Сашка осторожно забралась на место.

— Ага, — только и смогла ответить она.

Один из мужчин — статный, в форме, уверенный в себе. Второй сидел рядом и время от времени что-то проверял на приборной панели. Сашка боялась даже дышать слишком громко. Она никогда не была в таком месте. Кабина казалась ей почти волшебной. Здесь люди управляли огромной машиной. Одно движение рукой — и поезд продолжал свой путь. Перед ними открывался бесконечный осенний мир. Деревья проносились мимо разноцветными пятнами. Где-то вдали виднелись деревни. Поля казались огромными. Небо было высоким и холодным. Она смотрела и никак не могла поверить, что всего несколько минут назад боялась, что её посадят за решётку. Теперь ей хотелось, чтобы этот путь никогда не заканчивался.

Она сидела тихо, почти не шевелясь. Ей было интересно всё. Каждый прибор. Каждый звук. Каждое движение машиниста. Она пыталась запомнить кабину целиком, словно знала: второго такого случая может уже не быть. И всё это время в голове постепенно становилось удивительно спокойно. После пережитого страха ей вдруг было хорошо. Просто хорошо. Рядом были взрослые мужчины, которые знали, что

делать. Они не ругали её. Не кричали. Не спрашивали сердито, почему она оказалась одна. Они просто ехали. А она смотрела в окно.

Так Сашка и добралась до конечной станции. Когда электричка остановилась, машинисты вышли из кабины. Сашка пошла вместе с ними. Они направились в диспетчерскую. Там взрослые разговаривали, что-то объясняли, заполняли и подписывали какие-то бумаги. Сашка стояла рядом и ничего не понимала. Её история, казавшаяся ей такой огромной и страшной, для взрослых постепенно превращалась в несколько объяснений и записей на бумаге.

Машинисты снова пошли к электричке. Сашка последовала за ними. Они осмотрели поезд, проверили колёса, постучали по ним какими-то привычными движениями. Сашка наблюдала с прежним любопытством. Ей казалось удивительным, что поезд можно вот так просто осматривать снаружи, словно это был огромный живой организм, которому нужно убедиться, что всё в порядке.

А потом они снова поднялись в кабину. И отправились обратно. Сашка опять устроилась на своём месте. За окном снова побежали осенние поля. Теперь она уже знала, что бояться нечего. Она просто смотрела.

На рельсы.

На деревья.

На небо.

На стремительно удаляющийся мир.

И где-то глубоко внутри у неё появилась странная, почти взрослая мысль: «Наверное, всё-таки не всегда нужно понимать, что происходит. Иногда достаточно, чтобы рядом оказался кто-то, кто знает дорогу».

Когда они добрались до города, уже совсем стемнело. За окнами электрички давно исчезли осенние поля. Теперь там была только темнота, изредка разрезаемая жёлтыми огнями фонарей и окон.

Сашка устала. Очень. За один день она будто прожила несколько разных жизней. Утром ещё была в гостях, потом была Герда, кровь, испуг, автобус, вокзал, чужая электричка, контролёр, кабина машинистов, бесконечные рельсы, чужой город… А теперь снова какой-то новый незнакомый мир.

Она шла рядом со взрослыми и старалась не отставать. Сашка уже почти не задавала вопросов. У неё не осталось сил ни удивляться, ни бояться так сильно, как раньше. Но когда её привели в линейный пост милиции, страх снова вернулся. Помещение было незнакомым, казённым. Сашка сразу почувствовала себя маленькой. Очень маленькой. Милиционер выслушал объяснения машинистов и посмотрел на неё.

— Присаживайся, — сказал он. — Сейчас определим тебя в детскую комнату до выяснения личности.

Сашка похолодела. «В детскую комнату?» Она представила себе ту самую милицейскую комнату, которую её детское воображение уже успело превратить в нечто страшное. «На-

верное, там запирают детей?» «Наверное, там нельзя выйти?» «Наверное, там придётся сидеть одной». «И никто не придёт».

Сашка резко посмотрела на милиционера.

— Дяденька, не надо в комнату!

Голос предательски задрожал.

— Я всё сейчас вам скажу.

Ей вдруг стало совершенно необходимо доказать, что она не потерявшаяся неизвестная девочка. Она знала, кто она. Знала свою фамилию, имя, отчество. Знала адрес. Знала, где работают родители. Знала название посёлка. Знала даже такие подробности, которые, как ей казалось, взрослым должны были окончательно доказать, что она говорит правду.

И Сашка начала рассказывать. Быстро. Почти без остановки. Она выдала всё, что знала. А потом вспомнила самое главное.

— А мой папа тоже в милиции работает!

Она произнесла это с такой надеждой, будто сообщала пароль, после которого все двери должны были открыться.

Милиционер посмотрел на неё.

— Вот как?

Он взял телефон.

— Алло, здравствуйте. Отдел милиции посёлка Посольский?

Сашка замолчала. Она сидела и внимательно слушала.

— У вас служит такой-то?… Угу…

Сашка машинально кивнула. Будто разговор шёл и с ней тоже.

— Ага… Понял. Тут девочка, говорит, дочь его, Александра. Не на ту электричку села.

Сашка слушала каждое слово.

Сейчас скажут, что это правда. Сейчас всё закончится. Сейчас её отпустят.

— Да… Понял. До свидания.

Милиционер положил трубку. Сашка посмотрела на него. Она не знала, что будет дальше. Но одно было уже точно. Её нашли. Она не безымянная девочка. Она — Александра. У неё есть дом. Есть родители. Есть отец, которого знают в милиции. И вдруг это знание показалось ей очень важным. Как будто вместе с именем и фамилией у неё снова появился кусочек прежней жизни.

— Когда у вас ближайший поезд, проходящий через Посольский? — спросил милиционер уже в другой телефон, — Понял.

Он резко положил трубку. Посмотрел на Сашку.

— Побежали.

Сашка даже не успела ничего спросить. Милиционер схватил её за руку, и они быстро зашагали. Сашка почти бежала следом. Её маленькие резиновые сапожки тяжело стучали по платформе. Она уже не понимала, куда они бегут и зачем. Ей оставалось только снова довериться взрослому. «Наверное, он знает». «Как Митя утром».

Только теперь Сашка почему-то больше не была уверена, что взрослые всегда знают, что делают. Но выбора у неё не было.

Они бежали по перрону. Холодный ночной воздух обдувал лицо. Перед ними стояло множество вагонов. Милиционер оглядывался, искал что-то глазами. Сашка стояла рядом и пыталась понять, что происходит. Наконец он резко направился к одному из составов. Подбежал к вагону, нашёл проводницу и быстро что-то ей объяснил. Сашка почти ничего не слышала. Она только заметила, как милиционер взял её руку и вложил в руку проводницы. Словно передавал её. Как какой-то очень важный груз. А потом развернулся и быстрым шагом ушёл. Сашка проводила его взглядом. На душе вдруг стало тревожно. «Опять незнакомый человек. Опять чужой поезд. Опять я должна куда-то ехать».

Но проводница оказалась совсем не страшной. Грузная, добродушная женщина улыбнулась Сашке.

— Пойдём. Не бойся. Доставим тебя в целости и сохранности.

Эти слова почему-то подействовали. Сашка послушно пошла за ней. Они поднялись по ступенькам. Внутри вагона было тепло. После холодного перрона это тепло показалось почти домашним. Проводница провела её в своё купе.

— Вот сюда садись.

Сашка забралась на спальную полку. Она даже не стала задавать вопросов. У неё уже не было сил.

— Ложись, поспи пока. Я разбужу, как прибудем.

Сашка послушно стянула сапоги, сняла куртку и легла на правый бок. Едва её голова коснулась подушки, как она провалилась в сон. И неудивительно. За этот день она словно исколесила половину мира.

Во сне снова мелькали вагоны.

Деревья.

Поля.

Станции.

Рельсы.

Осеннее небо.

Она ехала куда-то, возвращалась, снова ехала…

И во сне ей было хорошо.

Там не было милиции.

Не было страха.

Не было Герды.

Не было крови на лице.

Были только дорога и движение.

А потом сквозь сон она услышала голос:

— Вставай. Подъезжаем.

Сашка не сразу поняла, где находится. Открыла глаза. Несколько секунд смотрела на потолок. Потом вспомнила. «Дом. Я еду домой». Эта мысль заставила её подняться.

Сашка нехотя надела сапоги, натянула куртку и побрела за проводницей. Сашка шла, ещё не до конца проснувшись. Проводница открыла дверь. И Сашка увидела перрон. Сна-

чала она даже не поняла, что происходит. Ночь, а на платформе стояли какие-то люди. Много людей.

Она стала вглядываться. Знакомые лица. Родственники. Их гости. Они действительно всей шумной компанией пришли встречать Сашку.

И вдруг среди них она увидела бабу Шуру. Бабушка рванулась к ней первой. Сашка ещё не успела сделать шаг, как оказалась в её объятиях. Баба Шура прижала её к себе так крепко, словно боялась снова потерять.

И в этот момент Сашка впервые за весь день позволила себе перестать быть сильной. До этого ей всё время приходилось держаться. Не плакать. Терпеть. Идти. Слушаться. Не задавать лишних вопросов. Сидеть тихо. Держать платочки у лица. Ехать с чужими людьми. А теперь можно было просто уткнуться в знакомое плечо.

Сашка закрыла глаза. И вдруг внутри что-то отпустило. Совсем. Будто невидимая пружина, натянутая с самого утра, наконец разжалась. «Я дома». Эти два слова словно прошли через всё её тело. «Я дома». Она почувствовала запах бабушкиной одежды, знакомое тепло, крепкие руки.

И заплакала.

Не от боли.

Не от страха.

От облегчения.

— Сашенька… Ты как? Всё хорошо? Тебя никто не обижал? — спросила бабушка сквозь слёзы.

Сашка попыталась ответить спокойно, но голос тоже задрожал.

— Нет… Всё хорошо.

И снова заплакала.

Баба Шура гладила её по голове, прижимала к себе и что-то тихо говорила. Сашка почти не слышала. Ей и не нужно было. Ей было достаточно того, что её держат. Что её ждали. Что кто-то испугался за неё. Что кто-то действительно хотел знать, всё ли с ней хорошо. Она впервые за весь день почувствовала себя в безопасности.

Но пока вокруг неё собирались родственники, пока звучали вопросы и встревоженные голоса, Сашка краем глаза искала маму. «Вот она».

Мама Валя была среди всех. Сашка посмотрела на неё. И на какой-то короткий миг внутри снова появилась надежда. «Сейчас мама подойдёт». «Сейчас обнимет». «Спросит, что случилось». «Скажет, что испугалась».

Сашка ждала. Но мама не подошла. Не обняла. Не спросила, как она. Не спросила, что произошло. Родители остались где-то рядом, среди остальных людей, но словно в стороне от самой Сашки. И эта маленькая надежда тихо погасла.

Сашка ничего не сказала. Она уже привыкла. Наверное, даже слишком хорошо привыкла. Ей давно казалось, что так и должно быть. Что любовь — это когда тебя обнимает баба Шура. Когда тебя ждали на перроне. Когда проводница укрывает тебя в тёплом купе и обещает разбудить. Когда чу-

жой милиционер не оставляет одну и ищет способ отправить домой.

А мама…

Мама была занята. У неё были младшие дети. У неё всегда было много дел. Сашка это знала. Поэтому она просто снова прижалась к бабушке. Она вернулась домой. Живая. Целая. Её никто не посадил в милицию. Её никто не обидел. Она пережила этот длинный, страшный, невероятный день. И, наверное, ей действительно повезло. Очень повезло. С ней оказались люди, которые не дали случиться ничему плохому.

Только сама Сашка ещё долго не могла понять, почему возвращение домой не принесло ей того тепла, которого она так ждала. Она приехала домой с новым пережитым страхом. С царапинами на лице после Герды. С усталостью во всём теле. С памятью о чужих поездах, милиции, ночном вокзале и незнакомых взрослых. И с одним тихим, почти незаметным для окружающих вопросом внутри: «Почему меня так крепко обнимает баба Шура, а мама — нет?»

Сашка никому его не задала. Она просто пошла рядом с бабушкой. Домой.

5. Буллинг. Защиты не будет

Начальная школа пролетела для Сашки так быстро, будто кто-то незаметно перевернул сразу несколько страниц её детства. Эти годы будто уместились в один длинный, солнечный день: уроки, контрольные, праздники, школьные концерты, первые победы и грамоты. Сашка училась на отлично, привыкла всё делать старательно и всегда стремилась быть лучшей — не ради похвалы, а потому, что иначе просто не умела.

Первое сентября пятого класса принесло перемены, о которых никто не предупреждал. Оказалось, что привычные классы расформировали и заново перемешали учеников. Кто-то ушёл в другие параллели, кто-то пришёл из соседних классов. Никто толком не объяснил, зачем это сделали, но взрослые, кажется, совсем не подумали о том, как трудно детям заново учиться доверять друг другу, искать друзей и выстраивать отношения.

В новом 5«Б» царило странное напряжение. Мальчишки быстро нашли общий язык: уже через неделю вместе бегали по коридорам и играли на переменах. А вот несколько новых девочек словно сразу решили, кто им нравится, а кто нет.

И почему-то их неприязнь была направлена именно на Сашку.

— Выскочка какая-то, — доносились до неё шёпот и

смешки.

Сашка старалась не обращать внимания. Она делала вид, что не слышит, продолжала учиться, разговаривать с подругами, жить своей обычной школьной жизнью.

Но троица девчонок — Алка, Натаха и Машка — будто специально искала повод её задеть.

С каждым днём насмешек становилось всё больше.

Тогда ещё никто не употреблял слово «буллинг». Не было школьных психологов, разговоров о травле и специальных программ помощи.

БУЛЛИНГ *(от англ. bullying — запугивание, травля) — это систематическое, повторяющееся агрессивное поведение одного человека (агрессора) или группы людей, направленное на унижение, запугивание или причинение вреда другому человеку (жертве). Ключевое отличие буллинга от обычного конфликта — неравенство сил: агрессор обладает физическим или психологическим превосходством, а жертва не может эффективно защититься.*

ПРИЧИНЫ БУЛЛИНГА СЛОЖНЫ И ЧАСТО СВЯЗАНЫ С КОМПЛЕКСОМ ФАКТОРОВ:

Неуверенность и низкая самооценка агрессора. *Травля может быть способом компенсировать собственные комплексы.*

Проблемы в семье. *Агрессивное поведение, которое ребё-*

нок наблюдает дома, может стать моделью для подражания.

Отсутствие навыков конструктивного общения. *Неумение выражать эмоции и решать конфликты мирным путём.*

Социальное давление и стремление к принадлежности. *Буллинг иногда используется, чтобы укрепить позицию в группе или избежать собственной изоляции.*

Личностные особенности. *Импульсивность, раздражительность, склонность к агрессии.*

Влияние окружения. *Подражание негативным моделям поведения, которые ребёнок видит среди сверстников или в медиа.*

ПОСЛЕДСТВИЯ.

Для жертвы: *хронический стресс, тревожность, депрессия, снижение самооценки, психосоматические симптомы (головные боли, проблемы со сном), трудности в построении доверительных отношений.*

Для агрессора: *закрепление агрессивного поведения, проблемы с социальной адаптацией в будущем.*

Для наблюдателей: *чувство вины за бездействие, формирование среды, где агрессия кажется допустимой.*

В тот день всё случилось на большой перемене.

Коридоры школы наполнились шумом, смехом и топотом

сотен ног. Кто-то бежал в столовую, кто-то обсуждал уроки, кто-то стоял у окон. Сашка вместе со своими подругами разговаривала у стены, когда в их круг резко вошла Алка. Она смотрела зло, с каким-то непонятным раздражением, словно одно присутствие Сашки вызывало в ней гнев.

— Что обсуждаете, лохушки? — бросила она.

— Да так, о своём, — спокойно ответила Сашка.

— О-о… Так ты ещё и дерзишь?

— Нет. Ты спросила — я ответила.

— Заткнись! — выкрикнула Алка.

Сашка почувствовала, как внутри начинает закипать обида.

— Почему это я должна молчать?

— Потому что никто тебе слова не давал!

— Но вопрос ведь был задан…

Алка прищурилась.

— А почему именно ты отвечаешь? Ты главная среди них?

— Нет. Просто ответила.

Алка оглядела девочек рядом с Сашкой и громко сказала:

— Ну-ка свалили тогда быстро все отсюда, раз вы не способны разговаривать.

Подруги переглянулись и, опустив глаза, медленно отошли в стороны. Сашка осталась одна. Троица неторопливо окружила её.

— И почему ты так себя ведёшь? — спросила Алка.

— Как именно?

— Ещё и голос повышаешь? Смелая, что ли?

— Я нормальная. Просто не понятно, почему вы всё время ко мне цепляетесь.

— Непонятно? Тебе непонятно? — словно озверевши, выпалила Алка.

В этот момент она резко дёрнула за бусину, которая украшала Сашкину кофту. Их было много, по всей поверхности кофты, яркие красные они переливались и словно сманили на это действие обидчицу. Бусина осталась в руках Алки и все остальные с тихим шорохом резко посыпались на пол издавая характерный звук, так как их всех соединяла одна нить. Они прыгали по деревянному полу, разлетались в стороны, ударялись о стены, словно маленькие красные капли.

— А-ха-ха! Ну, что ты теперь скажешь, оборванка?, — Алка громко и ехидно хохотала.

Сашка стояла неподвижно. В груди всё сжалось. Горло перехватило. Хотелось закричать, заплакать или ударить обидчицу так сильно, чтобы она навсегда запомнила этот день.

Но вместо этого Сашка, собрав остатки сил, сделала шаг в сторону, словно выходя из тесного круга, который вдруг стал похож на ловушку, и быстро пошла прочь.

Подруг она нашла на первом этаже.

— Почему вы ушли? — спросила она дрожащим голосом. — Почему не помогли? Почему не заступились?

Девочки молчали. Они отводили глаза и не знали, что сказать. Наверное, им тоже было страшно.

Тогда Сашка больше не смогла сдерживаться. Слёзы хлынули сами собой. Закрыв лицо руками, она побежала в школьную уборную, где шум коридоров становился далёким и глухим, а мир вдруг казался огромным, холодным и несправедливым.

В тот момент Сашка ещё не знала, что иногда самая тяжёлая боль приходит не от слов врагов, а от молчания тех, кого считаешь друзьями.

Этот день останется в её памяти на долгие годы. Она не знала, что детская жестокость может ранить так глубоко. Но именно тогда, среди рассыпанных по полу красных бусин, закончилось её беззаботное детство.

Сашка не понимала, что причиняло ей самую сильную боль. То ли то, что её унизили, а никто даже не попытался заступиться. Все видели происходящее, но молчали. Потому что боялись. Боялись оказаться на её месте. То ли то, что всё произошло на глазах у половины школы.

Она словно заново переживала каждую секунду. Насмешки. Оскорбления. Испорченную кофту. Смех вокруг. Чужие взгляды, в которых не было ни сочувствия, ни желания помочь. Только любопытство.

Страх.

Унижение.

Боль.

Ненависть.

Желание исчезнуть.

Желание отомстить.

Она не могла разобраться, какое из этих чувств сильнее.

Собрав остатки сил, Сашка направилась к классному руководителю. Она понимала, что после этого может стать только хуже. Теперь её наверняка назовут стукачкой. Теперь издевательства могут стать ещё жестче. Но молчать она больше не могла.

Учительница внимательно выслушала её и, ничего не говоря, назначила после уроков классный час.

***

Когда весь класс собрался, учительница спокойно посмотрела на учеников.

— Что произошло?

Сашка глубоко вдохнула.

— Они меня унизили. При большом количестве учеников. Обзывали, издевались… и испортили мою кофту.

Алка громко фыркнула:

— Да кому ты нужна? Больно надо на такую лохушку время тратить.

Сашка повернулась к учительнице.

— Вот видите… Они и тогда меня так называли.

Учительница перевела взгляд на класс.

— Кто видел эту ситуацию?

Повисла тишина. Такая густая, что слышно было, как за окном скрипят ветки.

— Девочки, — обратилась учительница к нескольким ученицам, — вы ведь были рядом.

Сашка посмотрела на своих подруг.

— Вы же всё видели… Скажите…

Одна из них опустила глаза:

— Мы ничего не видели.

Сашка растерянно переводила взгляд с одной на другую.

— Как… ничего?

Они дружили в начальных классах. Вместе сидели за одной партой. Делились секретами. Ходили домой после школы. И сейчас они просто отвели глаза. Будто её никогда не существовало.

Учительница тяжело вздохнула.

— Хорошо. Тогда завтра после уроков жду родителей Саши, Аллы, Наташи и Маши. Если никто больше ничего не видел, будем разбираться вместе со взрослыми.

***

Домой Сашка шла медленно. Ей казалось, что каждый встречный знает, что произошло. Что все смотрят именно на неё. Она больше не хотела идти в школу. Вообще никогда.

Но выбора не было. В посёлке была всего одна школа. Одна огромная школа, от которой невозможно было скрыться.

Вечером она всё рассказала маме. Подробно. От начала до конца. Она надеялась, что мама обнимет её. Скажет, что всё будет хорошо. Что она рядом. Но услышала совсем другое.

— Сама, наверное, виновата, — сухо произнесла мама. — Вечно лезешь куда не надо. Держала бы язык за зубами — ничего бы не случилось.

Сашка даже не сразу поняла смысл этих слов.

— Почему я должна молчать?

— Потому что так спокойнее.

— Для кого?

— Для всех.

— А если мне несправедливо делают больно?

— Значит, не надо было выделываться.

Сашка почувствовала, как внутри что-то болезненно сжалось.

— А почему я должна быть как все?

— Потому что ты не как все?

— Да. Не хочу быть как все.

Мама раздражённо покачала головой.

— Тогда не удивляйся тому, что произошло. Характер у тебя…

Фразу она не закончила. Но Сашке и не нужно было продолжение. Она и так всё поняла. «Может быть, она права?» «Может, действительно виновата я?» «Может, со мной что-то не так?» Эти мысли впервые появились в её голове. И впервые она не смогла сразу их прогнать.

После долгого молчания Сашка тихо спросила:

— Ты придёшь завтра?

— Приду.

Ответ прозвучал настолько буднично, будто речь шла о походе в магазин.

— Иди уроки делай.

***

Следующий день тянулся мучительно долго. Стрелки часов словно специально отказывались двигаться. После последнего звонка Сашка медленно вошла в кабинет. Там уже сидели Алка, Натаха и Машка. Алка ухмыльнулась:

— Думаешь, тебе это сойдёт с рук? Ходи теперь и оглядывайся.

В этот момент открылась дверь. Вошла классный руководитель. Следом появилась мама Алки. Через несколько минут пришла мама Машки. Потом мама Натахи. Сашка не сводила глаз с двери. «Ну где же мама? Она ведь обещала…»

— Саша, — спросила учительница, — ты сказала родителям о собрании?

— Конечно.

— Кто должен прийти?

— Мама.

— Хорошо. Подождём ещё пять минут.

Каждая минута казалась вечностью. Но дверь так и не открылась. Учитель посмотрела на часы:

— Что ж… начнём.

Она повернулась к Сашке.

— Расскажи, что произошло.

Сашка подробно пересказала всё. Оскорбления. Испорченную кофту. Оторванные бусины. О том, как её бросили подруги. Когда она закончила, Алка громко хлопнула ладонью по столу.

— Она всё переврала!

— Это неправда, — спокойно сказала Сашка.

— Она первая начала к нам цепляться. Обматерила нас. Мы просто хотели поговорить. А бусины сами оторвались. Я случайно рукавом задела.

— Ты врёшь!

— Девочки? — обратилась учительница к Наташе и Маше.

Обе заговорили почти одновременно.

— Всё так и было.

— Сашка сама полезла.

Мама Маши уверенно произнесла:

— Моя дочь никогда первой конфликт не начинает.

— И моя тоже, — поддержала мама Наташи. — Если только её не спровоцируют.

После этих слов заговорила мама Алки.

— Странно получается. Все говорят одно, а ты — другое.

Она смерила Сашку холодным взглядом.

— И где, интересно, твоя мама? Наверное, потому и не пришла, что знает — виновата ты.

Эти слова ударили сильнее любого оскорбления. Сашке хотелось закричать. Сказать, что мама обещала. Что она дей-

ствительно всё рассказала. Что она не врёт. Но слова застряли где-то в груди. В тот момент ей казалось, что весь мир объединился против неё. Словно он шептал: «Ты лишняя.» «Ты плохая.» «Все вокруг правы. Только не ты.»

И самое страшное было не в том, что ей никто не верил. Самое страшное — она сама начала сомневаться в себе.

***

Дома мама встретила её так, словно ничего особенного не произошло. Сашка стояла в прихожей, с трудом сдерживая слёзы:

— Почему ты не пришла?

Мама удивлённо посмотрела на неё:

— А зачем мне было идти?

— Ты же обещала…

— Я не в курсе ваших школьных разборок. Что мне там делать?

Эти слова прозвучали настолько спокойно, будто речь шла о каком-то пустяке.

Сашка хотела объяснить. Хотела доказать. Хотела что-то спросить. Но вдруг поняла, что не сможет, что нет в этом смысла. Она молча развернулась, ушла в свою комнату с силой захлопнула дверь, упала лицом в подушку, и позволила себе плакать так, как плачут только дети, которые внезапно понимают страшную вещь — **ИНОГДА БОЛЬНЕЕ ВСЕГО РАНЯТ НЕ ВРАГИ, А ТЕ, КОГО ТЫ ВСЮ ЖИЗНЬ**

СЧИТАЛ СВОЕЙ ЗАЩИТОЙ.

6. Когда не верят — становится ещё больнее. То, что останется болью

Сашка пережила и эту боль. Не первую и, как ей тогда казалось, далеко не последнюю. Она уже почти привыкла к тому, что жизнь будто испытывает её на прочность, подбрасывая одно испытание за другим. Иногда ей казалось, что трудности преследуют её по пятам, не давая передышки. Но сдаваться она не умела.

В самые тяжёлые минуты она повторяла про себя слова, которые давно стали её внутренним щитом:

— Я НАЙДУ ВЫХОД!

— Я СИЛЬНАЯ!

— МИР МЕНЯЕТСЯ БЛАГОДАРЯ ТЕМ, КТО ВЫДЕЛЯЕТСЯ!

Эти фразы помогали не опускать руки. Она цеплялась за них так же крепко, как утопающий хватается за спасательный круг.

Несмотря ни на что, Сашка продолжала хорошо учиться. Ей хотелось быть лучшей во всём, словно успех мог стать доказательством того, что все её усилия не напрасны.

Дома мало что менялось.

Отец всё так же пил, всё глубже погружаясь в собственную

безысходность. На плечах матери держалось абсолютно всё: работа, дом, хозяйство, трое детей, а теперь ещё и большой огород.

Каждое утро мама Валя уходила на работу, оставляя детям записки. Но назвать их простыми записками было невозможно. Скорее, это были настоящие инструкции по выживанию, расписанные на нескольких исписанных листах.

«1. Покормить кур. Зерно взять в сарае, смешать с варёной картошкой. Воду обязательно поменять.

2. Прополоть капусту. Картофель окучить. Дальнюю грядку с морковью проредить. Усы у клубники обрезать только секатором.

3. Перемыть полы во всём доме. В кухне — с белизной, в комнатах — без.

4. Приготовить обед. Сначала поставить вариться бульон, потом добавить картофель…»

И так — пункт за пунктом.

Большая часть этих обязанностей неизменно доставалась Сашке.

Мама Валя искренне не понимала, как можно просто ничего не делать. В её мире человек обязан был трудиться с утра до вечера. Всегда. Без исключений. Даже дети.

Мысль о том, что дочь может захотеть просто послушать музыку, полежать с книгой или, уставившись в потолок, помечтать о чём-то своём, казалась ей почти нелепой.

— Как это — ничего не делать? — искренне удивлялась

она.

Для неё праздность была почти грехом.

Каждый день находились всё новые и новые дела. Если старые заканчивались, мама моментально придумывала следующие. Казалось, домашняя работа никогда не могла закончиться.

И почти ежедневно Сашка слышала одну и ту же фразу:

— Мама всегда найдёт для вас работу. Без работы никто не останется!

А если дочь пыталась возразить или просто медлила, следовало привычное предупреждение:

— Вечером гулять не пойдёшь!

Сашка молча соглашалась. Спорить было бесполезно.

Школа тоже не становилась местом, где можно было перевести дух.

Та самая троица продолжала её травить. Девочки никак не могли смириться с тем, что Сашка всегда на виду. Учителя ставили её в пример, одноклассники уважали за успехи, а с каждым годом она становилась всё привлекательнее.

Длинные светло-русые волосы мягкими волнами ложились на плечи. Серо-зелёные глаза меняли оттенок в зависимости от света. Тонкая талия, лёгкая походка, спокойная уверенная улыбка — всё это невольно притягивало взгляды.

По школе всё чаще шептались, когда она проходила по коридору.

Кто-то говорил, что она удивительно похожа на Иден Кэп-

велл из популярной тогда «Санта-Барбары». Другие уверяли, что в ней есть что-то от молодой Синди Кроуфорд.

И действительно, сходство угадывалось. Но Сашка была совсем другой. Юной. Настоящей. Без глянца и идеального света софитов.

Она ещё не догадывалась, что красота может стать не только подарком судьбы, но и причиной чужой зависти. И чем ярче она становилась, тем сильнее это раздражало тех, кто сам боялся остаться незамеченным.

***

У отца Сашки был младший брат. Он женился на девушке с Алтая, и вскоре у них родился сын. Молодая семья жила вместе с бабушкой Шурой, поэтому Сашка часто бывала у них. Эти визиты были для неё чем-то вроде короткого отпуска от собственной жизни.

Здесь её встречали с улыбкой, спрашивали, как дела, радовались её приходу. Иногда тётя доставала из шкафа настоящее сокровище — «Сникерс» или «Марс». В те постперестроечные годы такие сладости были почти роскошью. Дома один батончик приходилось делить на троих, отмеряя кусочки прямо по линейке. Здесь же никто не следил за каждым укусом. Она могла съесть шоколадку сама, не прячась, не оглядываясь, не чувствуя вины. И, может быть, дело было вовсе не в шоколаде. Просто рядом с этими людьми Сашка ощущала себя нужной. Видимой.

Поэтому, когда однажды дядя с тётей предложили ей поехать вместе с ними на Алтай, к родителям тёти, счастью её не было предела. Это должно было стать её первым настоящим путешествием.

С родителями она почти никогда никуда не ездила. Из редких счастливых воспоминаний в памяти сохранился лишь один день, когда отец неожиданно собрал семью, вывез всех на берег озера, поставил палатку и жарил шашлыки. Всё остальное называлось «семейными выездами», но выглядело иначе: бескрайнее поле, картошка, прополка, окучивание, копка. Мама неизменно говорила:

— И работаем, и время вместе проводим.

Сашка ненавидела эти поездки. Ей казалось, что бесконечные картофельные поля никогда не закончатся. Лишь вечером отец разводил костёр, и они запекали молодую картошку прямо в углях. Эти минуты были единственным тёплым пятном в бесконечных рабочих днях.

Теперь же всё было иначе. Она впервые должна была поехать поездом.

В день отъезда Сашка проснулась ещё затемно и с трудом дождалась, когда они окажутся на вокзале. Сам поезд казался ей огромным живым существом. Плацкартные полки, запах металла, горячего чая и дорожной пыли, проводницы в форме — всё вызывало восторг.

Она почти не отходила от окна. За стеклом медленно менялись пейзажи. Леса уступали место полям, поля снова сме-

нялись перелесками. Иногда среди травы мелькали суслики. Они вставали столбиками на задние лапки и будто провожали взглядом пролетающий мимо поезд. Сашке казалось, что они специально вышли посмотреть именно на неё.

А потом на горизонте появились горы. Она никогда прежде не видела гор. И в этот момент впервые ясно почувствовала, насколько огромен мир. Что он состоит не только из школы, дома, бесконечных обязанностей и ощущения, будто жизнь уже давно расписана за неё. Где-то существовало ещё множество мест, которых она никогда не видела. И, возможно, существовала совсем другая жизнь.

***

Родители тёти жили в обычной двухкомнатной квартире. Оказалось, они приехали не просто в гости — у дедушки был юбилей.

С самого утра квартира наполнилась суетой. На кухне шипели сковородки, на столе один за другим появлялись салаты, пахло выпечкой, жареным мясом и свежей зеленью. Сашка с удовольствием помогала взрослым: нарезала овощи, носила тарелки, раскладывала приборы. Ей нравилось быть полезной.

К вечеру квартира наполнилась гостями. Шум разговоров, смех, звон рюмок постепенно становились всё громче. Когда в комнате стало совсем душно, один из родственников, Николай, поднялся из-за стола.

— Кто курит — пошли на балкон. Воздуха глотнём, — сказал он и, взглянув на Сашку, добавил: — И ты выходи. Жарко ведь.

Она не увидела в этих словах ничего странного.

В те годы взрослые курили рядом с детьми, не спрашивая разрешения и не задумываясь, насколько это правильно.

Сашка вышла вслед за остальными.

Балкон быстро заполнился людьми. Кто-то смеялся, кто-то спорил, кто-то молча курил, выпуская дым в тёплый летний вечер.

Она смотрела вниз, на двор, освещённый редкими фонарями. И вдруг почувствовала прикосновение. Чужая ладонь легла ей на грудь — туда, где тело только начинало меняться. Она вздрогнула так сильно, словно её ударило током, и мгновенно отшатнулась. На одно короткое мгновение она даже перестала понимать, что происходит.

Это было настолько неожиданно, настолько неправильно, что мозг словно отказался принимать увиденное: «Может, случайно? Может, показалось?» Но ладонь не исчезала. Она резко отшатнулась. Мир будто перестал издавать звуки.

Она подняла глаза. Николай смотрел прямо на неё. На его лице застыла ухмылка. Не пьяная. Не случайная. Такая, которая говорила больше любых слов. И именно эта улыбка напугала её сильнее самого прикосновения. Будто он прекрасно понимал, что делает. Сашка ничего не сказала. Она почувствовала, как по спине медленно пробежал холод. Захо-

телось исчезнуть. Раствориться. Стать маленькой, незаметной, чтобы он перестал её видеть. Но тело будто перестало слушаться. Ноги налились свинцом, дыхание сбилось, а сердце колотилось так громко, что казалось, его слышат все вокруг. «Почему никто не замечает?» Ведь люди стоят совсем рядом. Кто-то смеётся. Кто-то рассказывает историю. Кто-то стряхивает пепел с сигареты. «Почему никто ничего не видит?»

Она резко развернулась и почти бегом вернулась в квартиру. В дальней комнате было темнее и тише. Сашка забралась на кровать, подтянула колени к груди и так сильно обхватила их руками, словно пыталась удержать саму себя. Её трясло. Она смотрела в одну точку и никак не могла избавиться от ощущения, будто чужая ладонь всё ещё касается её тела. Хотелось стереть это прикосновение. Смыть. Исчезнуть вместе с ним. Она машинально провела рукой по груди, словно надеялась, что так станет легче. Не стало. К горлу подступили слёзы. Но плакать было нельзя. Если она заплачет, её обязательно спросят, что случилось. А потом… Потом ей снова могут не поверить. Как тогда.

Память сама вытащила давно забытый эпизод из детства — тот случай на зимнем уроке физкультуры — болото, «чёрный мужик», страх. Тот день, когда её слова оказались никому не нужны. Недоверчивые лица взрослых: «Тебе показалось». Эти слова она будто снова услышала внутри себя. В груди что-то болезненно сжалось.

Она крепче обхватила колени. «Когда не верят — становится ещё больнее. Нет. Лучше молчать. Так безопаснее» — проговаривала то и дело про себя Сашка. Ей вдруг показалось, что вокруг больше нет ни одного безопасного места. Даже здесь, среди людей, которые совсем недавно казались родными.

Через некоторое время дверь приоткрылась.

— Ты чего здесь одна? — удивилась тётя. — Пойдём, горячее уже несём.

Сашка послушно поднялась.

За столом она заметила, что Николай пересел и теперь сидит рядом с её местом. В груди всё похолодело. «Неужели он делает это специально?» «Неужели понимает, как ей страшно?» Она почувствовала, как всё тело напряглось раньше, чем успела об этом подумать. «Нет. Только не рядом. Только не снова».

— Можно я лучше помогу на кухне? — спросила она слишком быстро.

Слова сами сорвались с губ. Она даже не успела подумать.

— Конечно, пошли, — сразу откликнулась одна из женщин.

И только услышав согласие, наконец смогла вдохнуть. Будто её только что выпустили из тесной комнаты, где заканчивался воздух. Эти слова прозвучали для неё как спасение.

До конца вечера она почти не выходила из кухни. Раскладывала гарнир, мыла посуду, носила тарелки, придумывала

себе любую работу, лишь бы не возвращаться в комнату. А потом полностью переключилась на маленького двоюродного брата. Возилась с ним, играла, рассказывала сказки — всё, лишь бы не оставаться рядом с Николаем.

Когда гости начали расходиться, Сашка облегчённо выдохнула. «Осталось совсем немного. Сейчас он уйдёт» — надеялась Сашка.

Но он не ушёл.

Опьянев настолько, что уже не мог стоять на ногах, Николай уснул прямо за праздничным столом. После короткого обсуждения взрослые решили оставить его ночевать. Свободным оказалось только одно место — кровать в комнате, где собирались уложить Сашку. Ей же, вместе с маленьким братом, постелили на полу в кладовой. На толстом матрасе было неожиданно уютно, но чувство тревоги не исчезло.

Она долго не могла уснуть. А когда всё-таки задремала, резко проснулась от прикосновения, она сначала не открывала глаза. Кто-то медленно гладил её по ноге. Ей показалось, что это сон. Страшный сон. Сейчас она проснётся по-настоящему, и всё исчезнет. Но рука продолжала медленно скользить по её ноге. Она открыла глаза. И увидела его. Николай лежал прямо на полу у её ног.

Внутри всё оборвалось.

Не осталось ничего.

Ни мыслей.

Ни слов.

Только животный ужас.

Сашка резко дёрнулась. Она не закричала. Не разбудила взрослых. Не смогла. Она вскочила так резко, что сердце болезненно ударилось о рёбра, и почти бегом скрылась в туалете.

Там она медленно сползла по холодной стене на кафельный пол. Колени дрожали.

Руки дрожали. Она крепко обняла себя за плечи, словно пыталась заменить самой себе чьи-то защитные объятия. Время перестало существовать. Она сидела, прислушиваясь к каждому шороху за дверью. Ей казалось, что если открыть её раньше времени, он снова окажется рядом. Так она просидела до самого рассвета.

За дверью постепенно начинала просыпаться квартира. Скрипели половицы, кто-то включил чайник, послышались первые голоса. Только тогда Сашка осторожно вышла. Словно просто проснулась раньше остальных. Словно ничего не произошло. Словно эта ночь навсегда должна была остаться только внутри неё..

Для всех следующее утро наступило так, будто ничего не произошло.

На кухне звенели чашки, закипал чайник, кто-то нарезал хлеб, кто-то уже обсуждал планы на день. Запах свежего чая смешивался с ароматом домашнего печенья, и только Сашке казалось, что воздух в квартире стал тяжелее.

Сашка стояла у дверного косяка, не заходя до конца. По-

рог под ногами казался границей, которую нельзя переступить. Внутри — тепло, шум, обычная жизнь. Снаружи — она, с застывшим внутри телом, где-то между вчера и сегодня.

Николай сидел за столом вместе со всеми. Он откинулся на спинку стула, что-то говорил, улыбался, кивал. В какой-то момент даже рассмеялся — легко, как человек, у которого нет вчерашнего вечера.

Сашка задержала взгляд на его лице. Слишком долго. «Может быть… он действительно ничего не помнит? Может, это был алкоголь?» Эта мысль принесла ей крошечное облегчение. Настолько маленькое, что она сама боялась к нему прикоснуться.

Но тут она резко почувствовала, как в груди что-то сжалось, и отвела глаза, будто обожглась.

— Ну что, сегодня в деревню? — громко спросил кто-то.

— Поедем, конечно, — отозвался дядя. — Пообедаем и выдвигаемся.

— Я с вами, — сказал Николай, поднимая чашку.

Сашка не пошевелилась. Только пальцы сильнее вцепились в край косяка. Дерево под ногтями стало единственной точкой, которая удерживала её здесь, внутри всё сжалось. Она молча посмотрела на него: «Нет. Только не это».

— Саша, ты чего там стоишь? — тётя обернулась. — Иди завтракать.

Она сделала шаг вперёд, но остановилась у стола. Воздух

на кухне вдруг стал плотнее. Сашка почувствовала, как поднимается жар к щекам, хотя ей было холодно.

После обеда все начали спускаться во двор. У подъезда уже стояла машина. Взрослые оживлённо обсуждали, кто куда сядет.

Николай неожиданно быстро открыл заднюю дверь и первым устроился на сиденье.

Сашка это заметила сразу. Как будто внутри неё что-то щёлкнуло — не мысль, а реакция тела: напряжение в животе, сухость во рту, короткий, сбившийся вдох. Она замерла у подъезда. Асфальт под ногами казался слишком твёрдым.

— Садись, — позвала тётя, уже открывая переднюю дверь. — Давай быстрее.

Сашка не двинулась. Внутри всё сжалось в одну точку.

— Я хочу впереди.

Слова вырвались резко, почти чужим голосом.

— Саша, ну что ты выдумываешь? — тётя даже не обернулась полностью. — Впереди нельзя, ты же знаешь.

«Нельзя» ударило сильнее, чем она ожидала. Как будто её снова поставили туда, где она уже была — без выбора.

— Я не хочу сзади.

Последние слова прозвучали тише, чем она хотела. Они будто провалились в землю.

— Впереди нельзя. Ты же ребёнок. Дорога длинная, да и если остановит милиция…

— Я не хочу сзади.

Голос предательски дрогнул.

Тётя наконец посмотрела на неё. Пауза. Слишком длинная, чтобы быть просто паузой.

— Пойдём-ка сюда, — она отвела Сашку в сторону, подальше от остальных.

Шум двора стал глуше, будто его накрыли ватой. Но сердце, наоборот, стало слышнее — глухие удары в горле, в ушах.

— Что случилось? — спросила тётя уже тише.

Сашка открыла рот. И сразу почувствовала, как пересохло во рту.

— Он… — она сглотнула. Горло будто не пропускало слова. — Он меня трогал.

Тётя моргнула и непонимающе нахмурилась.

— Кто?

Сашка не подняла глаз. Если бы подняла — могла бы не сказать.

— Дядя Коля.

Имя прозвучало отдельно, как что-то тяжёлое, что она наконец вытащила наружу.

— Мне страшно.

Слово «страшно» оказалось слабее, чем чувство внутри. Оно не помещалось в голос. Она почувствовала, как к горлу снова подступают слёзы.

Тётя выдохнула, как будто устала.

— Саша… — она покачала головой. — Ты понимаешь, что ты говоришь?

Сашка резко подняла взгляд. В глазах тёти не было того, чего она ждала. Ни испуга. Ни понимания. Только усталое недоверие. И в этот момент в груди у Сашки что-то провалилось вниз.

— Я не придумала.

Несколько секунд тётя молчала. Потом тихо покачала головой.

— Саша… Да не может быть. Я его столько лет знаю. Он на такое не способен.

Эти слова ударили почти так же больно, как вчерашнее прикосновение.

— Мне не показалось, — быстро заговорила Сашка. — Он сначала на балконе… потом ночью…

Она старалась говорить спокойно, но голос всё равно дрожал.

Где-то рядом хлопнула дверь машины. Обычный звук, но он прозвучал как конец разговора.

— Может… случайно задел? Он же вчера совсем пьяный был… — тётя говорила уже быстрее, будто хотела закрыть тему до того, как она станет реальной. — Может, ты просто… не так поняла?

Сашка сделала шаг назад. Тело само отступило, как от огня.

— Он делал это ночью тоже.

Слова вышли почти без голоса. Просто воздух.

Тётя провела рукой по лбу.

— Саша…

Имя прозвучало так, будто дальше уже ничего не будет.

Сашка почувствовала, как внутри что-то медленно опускается вниз. Вот и всё. Ей опять не поверили. Совсем как тогда, после урока физкультуры. Та же беспомощность. То же ощущение, что правду знают только двое.

Тётя ещё несколько секунд смотрела на неё, словно пыталась разобраться, чему верить. Потом неожиданно сказала:

— Ладно. Садись впереди. Только обязательно пристегнись.

Сашка не сразу поняла смысл. Слово «ладно» не было согласием. Оно было закрытием. Потом кивнула. Быстро. Слишком быстро, как будто если не кивнуть — всё снова изменится. Она почти побежала к машине. Ноги двигались сами, опережая мысли. Николай уже сидел сзади. Он даже не посмотрел на неё.

Сашка села впереди и сразу потянула ремень. Щелчок. Ещё один. Металл впился в плечо, и это странным образом успокоило — как граница, которую можно застегнуть. Она не оборачивалась всю дорогу. Но тело всё равно помнило, что сзади кто-то есть. Это ощущалось не звуком, а напряжением в спине, в шее, в затылке. Голос сзади иногда прорывался сквозь шум машины, но она делала вид, что не слышит. Как будто если не реагировать — его не существует. Она смотрела в лобовое стекло, на бесконечно убегающую вперёд дорогу, и старалась не слышать голос Николая, доно-

сившийся с заднего сиденья.

Полтора часа прошли, как один длинный, непрерывный вдох, который она так и не смогла выдохнуть.

Деревня встретила их запахом свежести и свободы. Невысокие дома, деревянные заборы, запах нагретой солнцем травы, огороды, уходящие почти к самому лесу.

Во дворе уже стояли столы. Кто-то нарезал овощи, кто-то разводил мангал, на шампурах шипело мясо. Мужчины один за другим наполняли рюмки, женщины смеялись, дети носились по двору.

Сашка быстро познакомилась с местной ребятнёй. Они общались, разговаривали о чём-то не важном, о детском, ни о чём. И впервые после той ночи Сашка почувствовала, что снова может смеяться.

Слова взрослых растворились где-то за забором. На секунду стало легко. Тело даже расслабилось — плечи опустились, дыхание стало глубже. Но спокойствие оказалось недолгим. Она увидела его. Николай шёл через двор нетвёрдой походкой. Медленно. Неровно. Даже издалека было видно, что он снова выпил. Каждый его шаг будто возвращал в тело напряжение, которое она только что потеряла. Она первой заметила его.

Подойдя к беседке, где сидели дети, он тяжело опустился на лавку и опёрся рукой о стол.

— Ну что, молодёжь, — сказал он, — весело?

Голос был обычный. Слишком обычный. Дети продол-

жали болтать, почти не обращая на него внимания. Только Сашка замерла. Николай начал расспрашивать ребят о правилах какой-то игры, шутить и смеяться. Со стороны всё выглядело совершенно безобидно. Но Сашка уже чувствовала знакомое напряжение. Она видела, как он снова старается оказаться рядом.

Он сел. Слишком близко. Потом ещё немного придвинулся. Сашка почувствовала это не глазами — кожей. Как будто расстояние между ними стало меньше, чем должно быть. Потом он чуть придвинулся. И ещё. Словно проверяя, удастся ли ему ещё раз. Сашка перестала двигаться. Тело стало тяжёлым, как будто его прибили к месту, а сердце заколотилось так сильно, что стало трудно дышать.

— Меня возьмёте в игру? — спросил он, наклоняясь к ребятам.

Кто-то ответил. Кто-то засмеялся. Он тоже засмеялся. И снова чуть придвинулся.

Слишком рядом.

У Сашки промелькнула короткая мысль: «сейчас». И сразу другая: «нельзя ждать». Она резко встала.

— Давайте в догонялки!

Голос прозвучал громче, чем она хотела. Почти крик.

— Давай! — закричали дети.

И в этот момент всё сорвалось. Через секунду вся компания уже неслась по двору. Она побежала первой. Не оглядываясь. Но спиной всё равно чувствовала, где он. Как буд-

то взгляд мог касаться. Шаги, смех, крики — всё смешалось в один шум, который она пыталась обогнать. Пока двор не превратился в размытое пятно.

Она не убегала из игры. Она убегала от него. И в этот момент окончательно поняла одну страшную вещь. Это было не случайностью. Не последствиями алкоголя. Не плодом её воображения. Он делал это осознанно. А взрослые, которым она попыталась рассказать правду, предпочли поверить человеку, которого знали много лет, а не только начинающей формироваться личности, но уже с огромными психологическими травмами внутри.

Остаток дня она держалась рядом с другими детьми. Это было не решение — это было состояние. Если он появлялся — внутри сразу поднималась волна напряжения, и она уходила. Если он садился — она вставала. Если он смотрел в её сторону — она отворачивалась первой, чтобы не почувствовать этот взгляд на коже.

Больше она никому ничего не рассказывала. Никто ничего и не спрашивал. И от этого было одновременно легче и страшнее.

Оставшиеся дни на Алтае прошли спокойно лишь потому, что Николай больше не появлялся.

Поезд домой, о котором она мечтала так долго, всё ещё оставался одним из самых счастливых воспоминаний её детства. Она помнила стук колёс, бесконечные поля, сусликов, вставших столбиками у путей, и первые в жизни горы, пока-

завшиеся на горизонте.

Но теперь рядом с этими воспоминаниями навсегда поселилось другое. Осознание того, что даже далеко от дома, среди людей, которые казались добрыми и родными, ребёнок может оказаться совсем один. И что иногда страшнее самого насилия бывает равнодушие тех взрослых, которые могли бы защитить, но предпочли не увидеть очевидного.

7. 90-е суровые. Уничтожить себя настоящую — выход

1996 г.

Девятый класс Сашка встретила уже совсем другой. За лето детские черты исчезли, уступив место юной девушке. Она сама этого почти не замечала, но замечали другие. Особенно — они. Ненавистная «троица» плохих девчонок.

С первых же дней всё стало только хуже. Теперь это были уже не просто насмешки в коридорах и ехидные замечания. Они караулили её после уроков, загоняли за угол школы, где не было ни учителей, ни случайных свидетелей, и набрасывались втроём.

— Сейчас мы тебе это милое личико подправим…

Эти слова Сашка слышала почти каждый раз.

В лицо летели кулаки, в спину — пинки. Её хватали за волосы, рвали одежду. Она отбивалась изо всех сил: била в ответ, царапалась, вырывалась, цеплялась за их волосы так, что самой становилось больно. Не потому, что была сильнее. Просто другого выбора не было.

Каждый раз, когда хотелось закрыть лицо руками и сдаться, внутри звучал один и тот же голос: «Не сдавайся… Не смей… Ты должна бороться. Ты сильная. Ты выдержишь.»

Этот внутренний голос был единственным, кто никогда её

не предавал.

Но однажды, возвращаясь домой с разбитой губой и ноющими от ударов рёбрами, она вдруг остановилась посреди дороги. «А если… если я воюю не с тем?» Мысль была настолько неожиданной, что сама испугала её. «Это никогда не закончится… Они всегда будут меня ненавидеть. А что, если перестать быть их врагом? Что, если… стать одной из них?» Эта мысль засела глубоко и уже не отпускала.

Весь вечер она прокручивала её снова и снова. «Хорошей быть бесполезно… Хороших не любят. Хороших бьют. Значит, надо стать плохой. Такой же, как они. Тогда, может быть… меня наконец оставят в покое.» От этой мысли внутри всё сжималось. Будто ей предлагали отказаться от самой себя. Но разве у неё оставался выбор?

Мир вокруг тоже словно подталкивал именно к этому. Девяностые не оставляли места для слабости. Грубость считалась силой. Наглость — уважением. Чем жёстче человек, тем безопаснее ему жилось.

Сашке было четырнадцать.

Возраст, когда человек только начинает понимать, кто он есть. И именно сейчас ей казалось, что ради выживания придётся уничтожить себя настоящую.

«С чего начинают плохие девчонки?..»

Ответы всплывали сами собой. «Дерзкая одежда… грубые слова… сигареты.» Она почти усмехнулась. «Конечно. Все „авторитетные“ курят.» Но именно здесь её словно уда-

рило. Всю жизнь существовало два запаха, которые она ненавидела каждой клеточкой своего тела. Перегар. И сигаретный дым. Эти запахи были запахом её детства. Запахом отца. Пьяного, грозного, злого. Стоило почувствовать табачный дым, как память мгновенно возвращала её домой, где отец снова сидел с бутылкой, где мама молча терпела, где воздух был пропитан безысходностью. Её буквально передёргивало от одной мысли о сигаретах. Но теперь она убеждала себя: «Придётся. Если хочешь стать своей — придётся.»

На следующий день она долго кружила по дому, выжидая момент. Сердце стучало так громко, что казалось — его слышно всем.

Отец вышел во двор.

Сашка мгновенно метнулась к шкафчику. Там лежала его особенная пачка. Не привычная дешёвая «Прима», которую мама Валя покупала ему огромными коробками — настоящими картонными ящиками, доверху набитыми пачками, исчезавшими с пугающей скоростью. Нет. Это были сигареты «Друг». Их отец берег. Курил редко, словно оставляя на особый случай. Дрожащими пальцами Сашка вытащила одну сигарету. Одну. Будто совершала настоящее преступление. На кухне схватила коробок спичек и, стараясь не шуметь, выскользнула из дома. «Подальше… Только подальше…» Она почти бежала. Казалось, что сейчас кто-нибудь окликнет её, схватит за руку, заставит вернуть украденное. «Если отец узнает… Он меня убьёт.»

За детским садом стояли старые гаражи. Туда почти никто не заходил. Именно там она наконец остановилась. Ладони вспотели. Пальцы не слушались. Спичка сломалась. Вторая погасла от ветра. Только третья зажглась. Маленький дрожащий огонёк осветил её испуганное лицо. Сашка поднесла пламя к сигарете. Затянулась… насколько смогла. В рот ворвался горячий, едкий дым. Горло обожгло. Она закашлялась так сильно, что согнулась пополам. Глаза наполнились слезами. Но она упрямо попробовала ещё раз. Снова кашель. Снова слёзы. В нос ударил тот самый запах.

Отец.

Дом.

Пьяные вечера.

Мамина усталость.

Страх.

Всё это будто одновременно влетело ей в голову вместе с дымом. «Как?.. Как это вообще можно любить?» Она смотрела на тлеющий кончик сигареты почти с ненавистью. «Это же отвратительно… Почему все это делают? Почему считают это крутым?»

Голова неожиданно поплыла. Земля будто слегка качнулась. К горлу подступила тошнота. Сашка с отвращением отбросила сигарету далеко в сторону, словно хотела избавиться не только от неё, но и от всех мыслей, которые привели её сюда. Она долго стояла, тяжело дыша. Потом медленно побрела куда глаза глядят. Час. Другой.

Посёлок жил своей обычной жизнью, а внутри неё будто столкнулись два мира. «Продолжать бороться и оставаться собой?..» Или… «Убить в себе всё настоящее… стать такой, как они… чтобы наконец перестали унижать?» Ответа не было. И от этого становилось страшнее всего..

Она снова искала выход.

В последнее время ей казалось, что вся жизнь состоит из бесконечных поисков этого самого выхода — из бедности, из чувства стыда, из ощущения, что она всегда хуже других. Будто где-то существует дверь, за которой начинается совсем другая жизнь, но каждый раз, когда она протягивала к ней руку, дверь оказывалась миражом.

В школе она всё чаще ловила на себе взгляды одноклассников. Достаточно было случайного взгляда на её потертые рукава, на юбку, ставшую слишком короткой не потому, что так задумано модой, а потому что она выросла. Достаточно было сравнить себя с девчонками, которые каждую неделю приходили в новых джинсах, ярких свитерах или модных куртках.

Саша всё чаще думала: бедность пахнет. Её невозможно спрятать. Она прячется в залоснившихся манжетах, в выцветшей ткани, в старом рюкзаке, который уже давно стал детским.

В тот вечер решение пришло неожиданно.

Она больше не хотела терпеть.

— Мам… мне давно ничего не покупали из одежды. Когда

мы поедем в город? — осторожно спросила она.

Мама даже не сразу ответила. Она продолжала раскладывать бельё после стирки, словно вопрос был слишком тяжёлым, чтобы произнести ответ сразу.

— Саша… ты же знаешь, с деньгами сейчас плохо, надо экономить.

Это было привычное объяснение. Оно сопровождало почти каждую просьбу в их доме.

Но сегодня Саша не собиралась молчать.

— Мне правда нужно. Я уже выросла из всего. Посмотри… рукава короткие, юбка тоже. Мне уже стыдно так ходить.

Мама впервые внимательно посмотрела на дочь. И действительно увидела. Худенькая девочка, слишком быстро вытянувшаяся за последний год, словно выросла раньше, чем семья смогла позволить ей новую одежду.

Валя тяжело вздохнула.

— Хорошо… Поедешь сама.

Саша даже не сразу поняла услышанное.

— Одна?

— А что? Не маленькая уже. У меня нет времени ехать.

На секунду внутри всё похолодело.

Большой город.

Вокзал.

Рынок.

Толпы людей.

Но уже через мгновение страх уступил место чему-то гораздо сильнее. Свободе.

Если она справится сама, значит, она уже взрослая.

— Смогу! Конечно, смогу!

Она сказала это быстрее, чем успела испугаться.

Всю ночь она почти не спала. Перед глазами мелькали витрины, которых она никогда толком не видела, красивые девушки из телевизора, цветные кофты, короткие юбки, сумки через плечо. Ей казалось, что одежда способна изменить человека. Стоит только надеть что-то по-настоящему модное — и тебя начнут замечать иначе. Не как обычную девчонку. А как красивую. Современную. Уверенную.

«Меня больше не будут унижать». Это желание оказалось сильнее здравого смысла.

***

Утром мама проводила её до электрички. Аккуратно завернула деньги в чистый носовой платок, несколько раз сложила его, словно прятала драгоценность, а потом приколола английской булавкой к внутренней стороне Сашиного бюстгальтера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.